

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

1.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1883.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

1.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

АЛЕКСАНДР

ВЪ

РАССКАЗЫ ИСТОРИИ

Eschternie
Ч Т Е Н І Е

ИЗЪ

iz

istorii

РУССКОЙ ИСТОРИИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

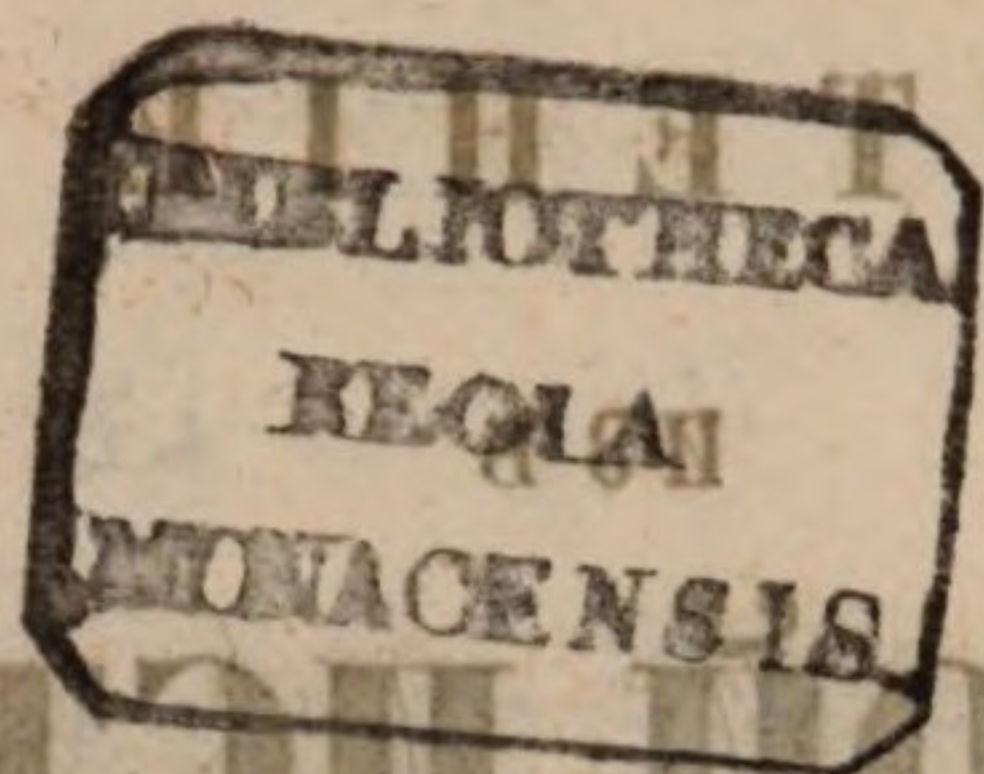
П . ЩЕБАЛЬСКАГО.

В Ы П У С К ъ П Е Р В Ы Й.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

(СР НЕХОДА VII ВРЯ)

П. ШЕВАРСКАТО

Дозволено цензурою. 31 Юля 1863 г. С.-Петербургъ.

ВЪНШНИЙ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ типографіи Рюмина и ко.

Знать исторію своего отечества со всею полнотою и подробностію есть обязанность каждаго образованнаго человека; но есть много и другихъ знаній, настоятельно необходимыхъ; поэтому курсъ отечественной исторіи приходится сокращать, ограничивая его указаніемъ и объясненіемъ только важнѣшихъ явленій народной жизни. Сообразно съ этимъ составляются программы преподаваній и пишутся учебники, при чемъ тѣ и другіе неизбежно грѣшатъ или сухостію, происходящею отъ желанія коснуться какъ можно большаго числа фактовъ, или неполнотою, если имѣлось въ виду оживить имена, числа и происшествія драматическимъ рассказомъ и историческою мыслию.

Мнѣ кажется, что благоразумнѣе будетъ не тнаться за двумя, одна другую исключаящими, цѣлями, и что въ помощь существующимъ учебникамъ полезно было бы написать такую книгу, которая, соотвѣтствуя современному состоянію исторической науки, обнимала бы подробности предмета, изображала бы съ возможною выпукlostію личности историческихъ дѣятелей, передавала бы происшествія

съ драматическою занимательностію; представляла бы духъ времени и колоригъ мѣстности.

Такое сочиненіе по объему своему, разумѣется, можетъ предназначаться только для чтенія, но не для изученія; тѣмъ не менѣе оно можетъ глубоко врѣзаться въ молодую память, если изложеніе его будетъ столько занимательно. что его стануть читать не во исполненіе лишь обязанности, а ради внутренняго его интереса.

Такъ означалъ я свой взглядъ на предпринятую мною задачу, приступая къ ней. Критика обратила нѣкоторое вниманіе на мою книгу, еще болѣе на мою мысль. «Современникъ» напечаталъ о ней рецензію, въ которой говорилось, что нѣтъ причины не употреблять книгу мою даже въ видѣ учебника, или вмѣсто его. Г. Соловьевъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», напротивъ, замѣчалъ, что я напрасно старался соображать ее съ существующими учебниками, что она можетъ и должна существовать самостоятельнымъ образомъ: «Мы думаемъ, говоритъ онъ, что книга, подобная книгѣ г. Щебальскаго, должна имѣть самостоятельное значеніе, не связываться такъ неразрывно съ учебникомъ и не ограничиваться возрастомъ отъ 13 до 15 лѣтъ». Противъ мысли моей о томъ, что въ учебникъ не можетъ войти яркое изображеніе историческихъ личностей, драматическое изложеніе происшествій, характеристика времени и мѣстности и развитіе исторической мысли, московскій профессоръ возражалъ, что все это должно войти въ хорошій учебникъ и что кромѣ учебника надо имѣть въ виду еще «живаго человѣка — учителя».

Въ Москвѣ, гдѣ я жилъ, не было ни одного учебника, который бы удовлетворялъ всемъ этимъ требованіямъ.

Въ подробную оцѣнку этихъ замѣчаній входитъ я считаю излишнимъ, предоставляя воспитателямъ и преподавателямъ дѣлать изъ моей книги то употребленіе, которое они считаютъ полезнѣйшимъ; но основной своей мысли не измѣняю и нынѣ, при второмъ изданіи. Однакожь я воспользовался нѣкоторыми сдѣланными мнѣ замѣчаніями относительно частныхъ и однимъ, имѣющимъ характеръ общій. Это послѣднее принадлежитъ профессору Соловьеву. Въ предисловіи къ первому изданію я писалъ: «Я старался держаться въ ровномъ разстояніи отъ чисто ученаго изслѣдованія и отъ романа; не позволялъ себѣ ни искажать фактовъ, ни представлять историческихъ явленій въ ложномъ свѣтѣ, но допускалъ черты-которыя не позволялъ бы себѣ помѣстить въ чисто серьезномъ трудѣ». Г. Соловьевъ не безъ основанія порицалъ такой неопредѣленный характеръ книги; при второмъ и слѣдующихъ выпускахъ я и самъ замѣтилъ, что романъ и исторію уравнивать невозможно: что нибудь одно должно взять верхъ. Я рѣшился дать перевѣсъ исторіи и, благодаря усиливающемуся драматическому интересу въ эпохахъ ближайшихъ къ нашей, нашелъ, что это можно сдѣлать, не впадая въ сухость.

II. Щебальскій.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Взгляните на карту Россіи: проведите черту отъ Бѣлаго моря мимо Онежскаго и Ладожскаго озеръ къ Чудскому; оттуда по границѣ нынѣшнихъ псковской и витебской губерній на Днѣпръ, у Смоленска; потомъ внизъ по Днѣпру до устья Самары; отъ этой рѣки чрезъ низовья Дона на Терекъ: такова была граница европейской Россіи 200 лѣтъ тому назадъ. — Что касается до Сибири, то тамъ не было опредѣленныхъ границъ; мѣста были вольныя; наши промышленники и звѣроловы доходили до Амура и на его берегахъ строили свои острожки (укрѣпленія).

Это было государство огромное, но безобразно растянутое отъ запада къ востоку, вдоль пустынныхъ, печальныхъ сѣверныхъ морей и только мѣстами выдвигавшееся на югъ отдѣльными выступами; на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ обитало едва ли болѣе

какихъ нибудь пяти — шести мил. жителей, да и то главнѣйше въ нынѣшнихъ центральныхъ губерніяхъ; отъ Курска, Ельца, Тамбова уже начиналась безлѣсная и частію безводная степь, которая неизмѣримою и все меньше и меньше населенною полосою развѣтывалась между Днѣпромъ и Волгою, сливаясь съ одной стороны съ степями Буджакскихъ татаръ, за Днѣпромъ, съ другой — съ пустынями средней Азіи — кочевьями Киргизовъ, Кайсаковъ, Башкиръ и др. Отъ Москвы къ сѣверу и сѣверо-востоку, за Костромою и Казанью, опять лежала пустыня, только покрытая непроходимыми лѣсами, гдѣ хозяйничали на просторѣ медвѣди, волки и отчасти соболи; лѣса эти непрерывною чащею простирались къ сѣверу до Ледовитаго моря, а отъ запада къ востоку — отъ Кореліи до Перми.

Собственно русское племя занимало не все это огромное пространство. Оно группировалось отъ Новгорода и Пскова между Западною Двиною и Днѣпромъ съ одной стороны, и Волгою съ другой, рассыпаясь оттуда во всѣ стороны въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ и древнихъ поселеній. Такимъ образомъ лѣтъ за 200 передъ настоящимъ временемъ были русскія деревни на берегу Финскаго залива и Невы, были онѣ на дальнемъ сѣверѣ, въ глубинѣ Архангельской губерніи, на верховьяхъ Камы; шла длинной полосою вдоль южной части Сибири до самаго Амура и даже Охотскаго моря; были на Терекѣ, на Дону и низовьяхъ Днѣпра, — такъ что, еслибъ на картѣ означить особою краскою, — напримѣръ зеленою — славяно-русское племя, то оно представило бы огромную неправильную

фигуру, которая тонкими линиями, какъ будто лапками, цѣпляется за Черное, Каспійское и Охотское моря, — моря, къ которымъ Россія въ послѣдствіи плотно придвинулась (*). — Большая часть пространства Россіи, которое затѣмъ осталось бы на картѣ бѣлымъ, было населено финскими племенами: они занимали весь ея сѣверо-востокъ, отъ Ладожскаго озера до устья Оки и оттуда по Волгѣ до Камы; эти племена назывались Корелами, Мордвою, Черемисами, Вотяками, Самоѣдами, и двѣсти лѣтъ тому назадъ были большею частію язычники. Въ Сибири жили разные мелкіе народцы, тоже идолопоклонники, а по сѣвернымъ и западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, до Терека и Кубани кочевали Башкиры, Ногайцы и Калмыки, большею частію, магометане.

Сосѣдями нашими, — такими, съ которыми мы наиболѣе имѣли сношеній, — были, во первыхъ, крымскіе татары, подвластные турецкому султану; во вторыхъ, владѣнія турецкія, которыя подходили къ нашимъ по низовью Днѣпра; потомъ польское королевство, то есть русскія и литовскія ея земли, съ которыми Россія граничила Днѣпромъ и Западною Двиной, и наконецъ королевство шведское, начинавшееся за Чудскимъ озеромъ и Новгородомъ. Со всѣми этими сосѣ-

(*) Необходимо замѣтить, здѣсь что кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ русское племя жило и въ другихъ мѣстностяхъ, а именно въ предѣлахъ Польскаго государства, гдѣ оно занимало нынѣшнія губерніи: Кіевскую, Подольскую, Волынскую, Минскую, Гродненскую, (частію) Могилевскую и Витебскую съ восточною половиною Виленской. Наконецъ Русское же племя обитало и обитаетъ въ нынѣшней Галиціи, въ ея восточной половинѣ.

дями у насъ были безпрестанныя войны и едва ли проходило нѣсколько лѣтъ сряду, чтобъ на которой нибудь нашей границѣ не пылали города и не лилась кровь; мы безпрестанно то воевали, то мирились съ ними, а торговыхъ сношеній, дружелюбныхъ взаимныхъ посѣщеній, какъ это теперь дѣлается, не было почти никакихъ. Да не только съ иноземными государствами, — одна область съ другою имѣла мало сношеній; дороги были не безопасны и непроѣзжны; промышленность была самая ничтожная, земледѣліемъ занимался каждый на столько лишь, чтобы прокормиться съ семействомъ своимъ; простой народъ жилъ не иначе, какъ въ курныхъ избахъ; города были крыты соломой; не существовало, можетъ быть, бѣдности, — то есть люди не умирали съ голоду и милостыни подавались щедро, — но удовлетвореніе однѣмъ матеріальнымъ нуждамъ есть только первая степень гражданскаго развитія: наши же предки, какъ и всѣ народы еще не просвѣщенные, трудиться не любили, учиться не видѣли надобности и поэтому болѣе просвѣщенные иностранцы называли не безъ основанія Россію *дикою Московіею*.

Многія государства западной Европы были въ это время въ совершенно иномъ положеніи; голландская и венеціанская республики покрывали всѣ моря своими кораблями; во Франціи начинался такъ называемый золотой вѣкъ Людовика XIV-го; эти и нѣкоторыя другія западныя государства имѣли хорошія арміи и флоты, университеты, типографіи, литературу, театры, академіи, художества. — Германія была нѣсколько позади въ отношеніи просвѣщенія; Польша и Венгрія еще болѣе; вообще, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ гуще

былъ мракъ невѣжества. — Западная Европа была въ это время тѣмъ же, чѣмъ прежде былъ Римъ, а еще прежде Греція и Египетъ, то-есть страною, откуда свѣтъ просвѣщенія разливался окрестъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ, разумѣется, слабѣе; это очень похоже на то, какъ еслибы въ огромномъ какомъ нибудь зданіи мы ярко освѣтили одну залу и оставили изъ нея двери отпертыми: ближайшія комнаты имѣли бы достаточно свѣта, слѣдующія менѣе, и наконецъ въ какомъ нибудь отдаленномъ углу едва мерцалъ бы какой нибудь скользящій лучъ. Этимъ темнымъ угломъ была въ теченіи долгаго времени Россія; она даже затворила дверь отъ этого свѣта, который представляли ей опаснымъ и вреднымъ; но наконецъ очередь и до нея дошла; въ XVII вѣкѣ замѣтны проблески какого-то отдаленнаго свѣта; замѣтны начатки чего-то новаго и, еще болѣе, замѣтно недовольство старымъ. Церковь и отчасти правительство недовѣрчиво смотрѣли на это движеніе и старались его сдерживать; но вотъ, явился государь, который не только далъ ему ходъ, но и двинулъ его съ необыкновенной силой. Это былъ Петръ I-й.

Поэтому исторія петрова времени есть чрезвычайно важная эпоха въ судьбѣ русскаго народа; онъ долго жилъ, чуждаясь другихъ народовъ, встрѣчая и съ ихъ стороны равнодушіе и невниманіе; народы эти между тѣмъ, обращаясь между собою, развивались, крѣпчали, богатѣли, просвѣщались, — Россія, напротивъ того, въ своемъ одиночествѣ, или въ отношеніяхъ по большей части враждебныхъ съ своими сосѣдями, росла тупо и медленно; и вотъ переворотъ совершается въ ея политикѣ: Петръ вводитъ Россію въ кругъ европейскихъ госу-

дарствъ, и судьба Россіи соединяется съ судьбами
всего образованнаго міра. — Нерѣдко этому младшему
члену европейской семьи приходилось играть только
страдательную и незавидную роль: удивляться чужому,
новому, хотя и тамъ не все, конечно, заслуживало пох-
валы и удивленія, учиться, — и при этомъ переносить
высокомѣріе своихъ учителей, бросать старое свое, —
иногда и то, что въ немъ было хорошаго... Потомъ
наступило время, когда и Россія стала, порою, оказы-
вать вліяніе на другіе народы, — правда, болѣе силою
оружія нежели мыслію; но доростемъ наконецъ и мы до
своихъ старшихъ братій и въ просвѣщеніи, и въ бла-
гоустройствѣ, — и къ намъ будутъ иностранцы пріѣз-
жать учиться и перенимать!

А для этого надо намъ учиться и учиться.

РОССІЯ ПРИ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ.

I.

Очеркъ Москвы во второй половинѣ XVII-го вѣка. — Кончина первой супруги Царя Алексѣя, Марьи Ильинишны. — Милославскіе. — Матвѣевъ; его происхождение, искусное его поведение при дворѣ; милость къ нему Царя; его любовь къ умственнымъ занятіямъ. — Жилища русскихъ бояръ. — Наталія Кириловна Нарышкина. — Первая встрѣча съ нею Царя. — Второй его бракъ. — Рожденіе Петра. — Объявленіе царевича Θεодора. — Разладъ между царицею и царевнами. — Кончина Царя. — Характеристика его царствованія: сдѣланныя имъ пріобрѣтенія; всеобщее недовольство; мятежи; естественныя бѣдствія: голода, болѣзни; разномысліе въ церковныхъ дѣлахъ.

Мѣсто дѣйствія нашего разсказа будетъ на первый разъ въ Москвѣ, а потому не мѣшаетъ познакомиться намъ поближе съ этимъ городомъ, какимъ онъ былъ во второй половинѣ XVII столѣтія.

Много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы, но нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. Съ XIV вѣка она уже дѣлается средоточіемъ и государственной силы, и пра-

вославної святыни. Съ которой бы стороны не подходилъ или не подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ — завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. *Святая, блокаменная и златоглавая*, были названія, которыя народъ издавна придавалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: *живописная*, потому что въ самомъ дѣлѣ мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, какъ Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины кремлевскаго холма.

Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнимъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣки и впадающихъ въ нее, Яузы и Неглинной. Изящною постройкою онъ впрочемъ не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ, да большой части разсѣянныхъ по городу церквей, — весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы, или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точно отдѣльныя усадьбы, — хоромы какого нибудь знатнаго боярина или князя, со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ са-

довъ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ въ послѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то Сущево, Хомовники и др.

Но (если смотрѣть на Москву съ одной изъ сосѣднихъ высотъ), посреди этого муравейника домовъ, глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченныхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвырѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были эти старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ, гдѣ стояли ихъ гробницы, гдѣ совершалъ богослуженіе патріархъ, — глава греко-россійской Цѣркви, гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыя русскимъ народомъ. Тамъ же находились колокольня Ивана-великаго, Царь-пушка и большой колоколъ (*), — предметы, которыми наши предки гордились также, какъ древніе Греки своимъ колосомъ-родосскимъ или дельфійскимъ храмомъ.

Таковъ былъ общій видъ Москвы въ половинѣ XVII вѣка. Съ подробностями ея мы познакомимся, когда коснемся въ разсказѣ своемъ той или другой мѣстности, или того или другого зданія, а теперь приступимъ къ этому разсказу.

Почти двѣсти лѣтъ тому назадъ съ высокой башни Ивана-великаго разнеслись на всю Москву рѣдкіе, печальные удары колокола; это была вѣсть народу о представленіи царицы Марьи Ильинишны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе, какъ въ закры-

(*) Нынѣшній большой колоколъ, находящійся возлѣ колокольни Ивана-великаго, отлитъ позже, при Императрицѣ Аннѣ.

тыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны, заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады; тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ, оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше Царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники: Соковнины, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и славѣ главнѣйше по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ, — честь ли боярскую, воеводство ли доходное, придворную ли должность приближенную, тотчасъ, къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы; тотъ дочери, а она Царю, — и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что государь могъ и во второй бракъ вступить, а съ новою царицей приблизилась бы и новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней еще царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человекъ. Началъ онъ съ небольшого, былъ сыномъ небогатаго человека, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ въ приходѣ Никола-въ-Столбахъ, ни кому не на-

вязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ или въ думѣ заговорить съ нимъ какой нибудь важный бояринъ, Долгоруковъ, или Ромадоновскій, или Черкасскій, Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ — и добился такимъ образомъ, что привыкли его видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ государь все больше къ нему привязывался, принималъ его за просто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался: коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ Царя, какъ бывалъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. И государь самъ безъ него уже не могъ обойтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, — былъ душевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ государю человекъ, такъ что, когда его сынъ внезапно умеръ, Царь утѣшалъ старика и сокрушался съ нимъ, какъ близкій родственникъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ государемъ. Мало того, что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечерень, государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ въ это время построилъ уже себѣ домъ побольше и сталъ жить пошире. Онъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго

приказа, слѣдовательно, не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, а ихъ было не мало, но и посланники разныхъ государей — цесаря римскаго, польскаго короля, свейскаго (шведскаго) и другіе пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ; въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобъ все вокругъ него было парадно, и подсмѣивался, что его министръ живетъ, какъ какой нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая очень хорошо, что, заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся добрые люди, заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей, — а это такая вина, которая показалась бы имъ хуже самой корысти. По этому-то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ, и отыгрывался отъ постройки новаго дома. — Я человѣкъ маленькій, не знатный, говорилъ онъ Царю:—не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ!

Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по Москвѣ слухъ, и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: «Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій, и навеземъ тебѣ каменье для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!» Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы этихъ добрыхъ людей, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный и, по тогдашнему, большой и красивый; въ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла.

Не надобно однакожъ думать, чтобъ это было что

нибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундаментомъ, въ иную залу зимняго или новаго кремлевскаго дворца. Рисунковъ дома Матвѣева, какъ и самаго дома, не сохранилось, къ сожалѣнію; но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій, построенныхъ въ XVII вѣкѣ; есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновляются въ старинномъ видѣ, на примѣръ домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ, принадлежавшій фамиліи Романовыхъ, и терема царскіе, какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя *травами* или обитыя тисненою съ узорами кожею; вдоль стѣнъ лавки; вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молельни; въ передней или столовой палатѣ, длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и тоже, едва ли не ежедневно, садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же въ особомъ шкафѣ или на полкахъ стояли тяжелыя серебрянныя [блюда, кубки, ковши, драгоценности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ; это были такъ называемыя *терема*, убѣжище недоступное для постороннихъ; тамъ жила сама хозяйка, и дѣти; онѣ тамъ проводили цѣлый день; хозяинъ же, напротивъ, только приходилъ туда ночевать; женщины жили однѣ и кромѣ своего хозяйства

да разныхъ вышиваній ни во что не вмѣшивались, ни до чего не касались.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя, цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши),—хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, хотя и ихъ берегли, какъ зеницу ока, однако частенько ихъ тревожили; это были хранилища красовъ разнаго сорта, пива, медовъ и виноградныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ,—ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую енду; откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили Русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать, Матвѣевъ этого не терпѣлъ; любилъ быть одинъ и нерѣдко заглядывалъ въ книгу духовнаго или историческаго содержанія; онъ и самъ писалъ; его собственною рукою было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества, по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, спрашивать какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ,

что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ, и нерѣдко забавлялъ Царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами; эти пьесы были большею частію духовнаго содержанія; изъ нихъ нѣкоторыя были писаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того: находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына приучилъ къ тому же: давалъ ему учителей иностранныхъ языковъ и исторіи и еслибъ прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что старанія его не пропали даромъ: молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя записки, въ которыхъ очень интересно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти Царя Θεодора Алексѣевича.

Дочерей у него не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобъ женщинѣ нужно было что нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева по крайней мѣрѣ не была отдѣлена отъ всего свѣта, какъ обыкновенно бывали въ то время дѣвицы знатныхъ домовъ; онъ ее не пряталъ въ неприступныхъ теремахъ и ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему, даже иностранцевъ. Звали ее Наталіей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ съ темно-русою

косою, съ широкими рѣсницами на большихъ карихъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее и Царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе. «Я не зналъ, Сергѣичъ, сказалъ онъ; что у тебя есть дочь?»—Это не дочь моя, а приемышъ, отвѣчалъ Матвѣевъ, и назвалъ ее. Тѣмъ на первый разъ и кончилось, но черезъ нѣсколько времени Царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ... Сказываютъ, что Матвѣевъ повалился ему въ ноги, говоря, что эта новая къ нему милость погубить его. —Трудно этому повѣрить; до царской родни рѣдко достигали придворныя интриги; съ воспитателемъ и благодѣтелемъ, почти отцемъ царицы, мудрено было кому бы то ни было бороться! Поэтому такому смиренію Матвѣева мало кто вѣрилъ, многіе рассказывали объ этомъ совсѣмъ другое: говорили, что Матвѣевъ самъ подготовилъ это сватовство; и этого тоже за вѣрное выдать нельзя, но, конечно, Матвѣевъ былъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ иные простаки изъ его друзей это думали, и во всякомъ случаѣ, валяться въ ногахъ, чтобъ не попасть въ родство съ царскимъ семействомъ, ему не было никакого повода.

Государь сочетался бракомъ съ Наталіей Кириловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ и родня ея, — Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатые волости, братья взяты ко двору; Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярскій.

30-го мая 1672 года у Царя родился сынъ, котораго называли Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій Императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко дво-

ру стали ходить слухи, что между мачихою и падчерицами не стало согласія; какъ это случилось, съ чего это началось, врядъ ли кто нибудь могъ достоверно сказать; царевны ли, дочери Алексѣя Михайловича, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, не дружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ, — дѣло темное; но между царевнами и царицей не было дружества; Государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ; глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи: Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталію Кириловну; на нихъ ласково смотрѣлъ и Царь; другіе, — родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ; не всѣ замѣчали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось, какъ прежде, да и государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра объявленъ былъ старшій сынъ Государя, Θεодоръ Алексѣевичъ. Объявленіе было тоже, что признаніе наслѣдникомъ престола. Въ самый новый годъ, который начинался тогда перваго сентября, происходила эта церемонія. Въ передней палатѣ Кремлевскаго дворца были собраны бояре, думные люди, духовенство. Царь вышелъ къ нимъ съ молодымъ царевичемъ, которому тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, и сказалъ, что настало время «дать его Господу Богу въ служеніе и ввести его въ святую соборную и апостольскую Церковь.» — Θεодоръ

Алексѣевичъ былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, здравый умъ и былъ прекрасно, по тому времени, образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ этого времени царевичъ Θεодоръ считался какъ бы наслѣдникъ престола; на него смотрѣли какъ на будущаго государя Россіи, и дѣйствительно, когда, въ январѣ 1676 года, Алексѣй Михайловичъ тяжело занемогъ и скончался, онъ вступилъ на престолъ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича не было счастливо; не то, чтобъ онъ велъ несчастныя войны; нѣкоторыя изъ нихъ были и удачны; съ Польшею онъ заключилъ перемиріе, по которому къ Россіи отходила часть нынѣшнихъ смоленской, витебской и черниговской губерній. а главное—колыбель Россіи, Кіевъ; еще болѣе важнымъ дѣломъ было присоединеніе Малороссіи: это было дѣло славное и выгодное. Но съ другой стороны, въ это царствованіе Россію посѣщали разныя несчастія, голодъ, пожары, моровыя повѣтрія; какое-то темное неудовольствіе жило въ народѣ, который безпрестанно волновался; то тутъ, то тамъ вспыхивали мятежи, и если власти не успѣвали принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, то эти мятежи сильно и жестоко разгорались, какъ на примѣръ бунтъ извѣстнаго Стеньки Разина. Даже въ дѣлахъ церковныхъ произошло въ это царствованіе такое замѣшательство, которому подобнаго передъ тѣмъ никогда не бывало. Объ этомъ нужно сказать нѣсколько словъ.

Въ тѣ времена духовенство наше было очень мало образовано и даже, прямо сказать, мало грамотно; книги церковныя переписывались полуграмотными людьми

и потому въ нихъ вкрались мало по малу большія ошибки; это замѣчали уже и прежде нѣкоторые просвѣщенные люди между духовенствомъ и принимались было дѣлать исправленія; но либо на людей этихъ смотрѣли какъ на еретиковъ, посягающихъ на святыню, либо они напутывали хуже прежняго. Наконецъ патріархъ Никонъ принялся цѣлымъ соборомъ за исправленіе священныхъ книгъ, собралъ множество древнихъ греческихъ рукописей и довелъ дѣло до конца; но нашлось не мало людей, которымъ это дѣло показалось богохульствомъ. Новыя книги казались имъ подозрительными и они ихъ отвергли; когда же имъ старались доказать, что именно эти новыя книги только и правильны, потому что онѣ повѣрены по самымъ старымъ книгамъ, то они говорили: если наши прежнія книги не суть святыя книги, то какъ же по нимъ могли спастись святыя Филиппъ, Петръ, Алексѣй и другіе святители русской Церкви? Имъ говорили, что крестное знаменіе установлено совершать тремя перстами, а не двумя, какъ велось у насъ обычаемъ: они возражали, что крестясь двумя перстами однакожь спаслись многіе отцы Православной Церкви? На это имъ опять возражали исторіей и толкованіями, но они ихъ не хотѣли знать. Досада и ожесточеніе росли съ обѣихъ сторонъ; противъ людей старой вѣры начались гоненія; они принимали эти гоненія, какъ вѣнецъ мученическій, а народъ, видя ихъ непоколебимую стойкость, вѣрилъ имъ, слушалъ ихъ и цѣлыя массы отступили отъ Православія, оставляли города и селенія, уходили въ глухіе лѣса, въ безлюдныя степи, въ отдаленные концы государства, даже вовсе оставляли отечество! Рас-

коль проникъ въ кругъ людей знатныхъ и богатыхъ, даже въ среду самаго духовенства; множество священниковъ оставляло свои церкви и уходило въ раскольничьи скиты; одинъ епископъ отложился отъ Православія, царскій духовникъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ раскольниками; они наполнили знаменитую Соловецкую обитель, и за ея стѣнами подняли оружіе противъ Царя, который, говорили они, покровительствуетъ *Никоніанцамъ*. Раскольники предсказывали близкій конецъ міру, говорили о пришествіи антихриста и все сильнѣе ожесточались противъ церковной и свѣтской власти, а число ихъ умножалось, и къ концу царствованія Алексѣя Михайловича ихъ считали десятками и сотнями тысячъ. И не нашлось тогда ни одного человѣка, который бы, оставляя споръ о буквахъ и словахъ, объяснилъ бы, что ученіе Христа требуетъ прежде всего братской любви, добрыхъ дѣлъ и чистой совѣсти!

РОССІЯ ПРИ ЦАРЬ ОЕОДОРЪ.

Наружность Царя Оеодора. — Одежда нашихъ предковъ. — Вступленіе на престолъ Оеодора. — Слухи о проискахъ Матвѣева и Нарышкиныхъ устранить его отъ наслѣдства. — Царица удаляется отъ двора. — Матвѣевъ отправляется въ ссылку. — Новые любимцы. — Царевна Софія; она сближается съ Милославскими, Хованскимъ, Голицынымъ. — Значеніе Голицына при Царь Оеодоръ; уничтоженіе мѣстничества. — Второй бракъ Царя. — Апраксины и Языковъ. — Царь сближается съ своею мачихой. — Болѣзнь Царя. — Заботы о престолонаслѣдіи; дворъ раадѣляется на двѣ партіи: за Іоанна и за Петра; интриги той и другой. — Смерть Царя. — Царедворцы съѣзжаются во дворецъ, народъ собирается къ Красному крыльцу. — Патріархъ предлагаетъ разрѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи сперва царедворцамъ, а потомъ народу. — Избраніе Петра. — Протестъ Софіи противъ него.

До насъ дошло нѣсколько портретовъ Оеодора Алексѣевича; къ сожалѣнію они не похожи между собою и очень мало соотвѣтствуютъ описанію, оставленному современниками о наружности этого государя. На портретахъ онъ изображенъ молодымъ человѣкомъ цвѣтущей наружности, между тѣмъ какъ описанія очевидцевъ представляютъ его слабымъ, болѣзненнымъ юношей. Портреты эти, слѣдовательно, какъ *портреты*, — цѣны для

насъ не имѣютъ; но они любопытны тѣмъ, что даютъ вѣрное понятіе объ одеждѣ того времени.

Предки наши вообще носили длинную одежду; короткая казалась имъ неприличною и слишкомъ отступающею отъ изображенія святыхъ отцевъ и отъ обычаевъ старины. Цари являлись народу не иначе, какъ осыпанные самоцвѣтными камнями и жемчугами; Алексѣй Михайловичъ изображенъ, на примѣръ, на старыхъ портретахъ, въ длинной парчевой одеждѣ, выложенной камнями, вышитой жемчугами, формою своею напоминающей діаконскую ризу и называемой *становымъ кафтаномъ*; сверхъ кафтана надѣто у него такъ называемое *ожсерелье* — родъ пелерины, спускающейся почти до половины груди, — которое также все унизано драгоценностями. Почти въ такой же одеждѣ изображена большая часть Царей нашихъ, одеждѣ великолѣпной, — но надо признаться, — чрезвычайно неудобной.

Одежда партикулярныхъ людей была и удобнѣе и, кажется, даже красивѣе; удобнѣе уже по одному тому, что она не была обременена драгоценностями, очень тяжеловѣсными. Она, эта одежда, состояла изъ кафтана атласнаго, или менѣе дорогого шелковаго, спускавшагося до колѣнъ или немного ниже, подпоясаннаго кушакомъ или ремнемъ съ восточнымъ серебряннымъ наборомъ; но это была только нижняя одежда, соответствующая нынѣшнему жилету; человекъ, который не хотѣлъ прослыть невѣжею, не могъ ни явиться куда нибудь, ни даже принять почетнаго гостя, не надѣвъ сверхъ кафтана — *ферязи*, длинной широкой одежды изъ шелковой матеріи, атласа или парчи. Выходя на улицу, надо было еще надѣть въ лѣтнее время широкій *оха-*

бень или одноряку, а въ зимнее — шубу; мѣха этихъ шубъ были нерѣдко собольи или черные лисьи, а верхи бархатные и даже парчевые. Головной уборъ составляла шапка, почти всегда опушенная мѣхомъ, а у богатыхъ людей украшавшаяся еще перомъ изъ какихъ нибудь драгоценныхъ камней, или наряднымъ бѣлымъ султанчикомъ, какъ у Поляковъ. Что касается до обуви, то она состояла изъ высокихъ, до колѣнъ, сафьянныхъ, цвѣтныхъ сапоговъ, съ каблуками и иногда съ острыми носками, загнутыми кверху.

Такъ одѣвались наши предки; все то, что здѣсь описано, а также домашняя утварь, вооруженіе конское, сбруя и т. п., изображены въ превосходномъ изданіи, подъ названіемъ: «Древности русскаго государства», и въ «Историческомъ описаніи одежды и вооруженія русскихъ войскъ.»

Теперь возвратимся къ тому, что происходило въ Москвѣ послѣ смерти Царя Алексѣя.

Москва и Россія цѣловали крестъ Теодору Алексѣевичу, котораго привыкли уже считать и прежде наследникомъ отцовскаго престола. По этому, необыкновенно страннымъ показался слухъ, который въ это время началъ распространяться, — о томъ, что будто бы покойный Царь, въ послѣдніе дни своей жизни, думалъ передать престолъ, помимо старшаго своего сына, младшему, четырехлѣтнему Петру. Иные говорили, что Алексѣй Михайловичъ, видя болѣзненность старшаго сына своего, боялся что онъ будетъ недолговѣченъ и скончается, не оставивъ прямого наследника престола, который такимъ образомъ все-таки перейдетъ къ меньшему брату. Но это казалось невѣроятнымъ; Теодоръ точно

былъ юноша очень слабаго здоровья, но въ жизни и смерти воленъ одинъ Богъ, а Петръ, хотя былъ здоровое, прекрасное дитя, но лѣта его были таковы, что за жизнь его было еще едва ли не труднѣе ручаться: извѣстно, что всего чаще дѣти умираютъ до пятилѣтняго возраста. При томъ, перемѣнять порядокъ престолонаслѣдія, старинный обычай первородства, казалось несообразнымъ, безъ особенно важныхъ причинъ, а причинъ этихъ никто не видѣлъ. Наконецъ между Θεодоромъ и Петромъ былъ еще царевичъ Іоаннъ, отрокъ еще болѣе болѣзненный, правда, чѣмъ его старшій братъ, почти слѣпой и слабый духомъ, но казалось, что и ему могло бы быть обидно, еслибы государство было отдано младшему царевичу; Петру оставалось лѣтъ 12 до совершеннаго возраста, слѣдовательно лѣтъ 12 пришлось бы Россіи оставаться подъ опекою бояръ, временщиковъ, *семибоярщины*, которой народъ не отвыкъ еще пугаться!

Такъ разсуждали между собою купцы, гости московскіе, небогатые дворяне, вообще всѣ тѣ, которые знали дворскія дѣла по отдаленнымъ слухамъ. Но тѣ, которые ближе ихъ знали все, что въ послѣднее время при дворѣ дѣлалось, разсказывали дѣло это иначе; они говорили, что Наталья Кириловна и Матвѣевъ совершенно овладѣли умомъ Царя, ослабѣвшаго отъ болѣзни, и что они - то именно настаивали, и вѣроятно, настояли бы, на назначеніи Царемъ Петра, еслибъ нѣкоторые другіе царедворцы не успѣли удалить царицу въ самую послѣднюю минуту жизни Алексѣя Михайловича. Называли даже одного изъ тѣхъ, которые сильно противились исключенію отъ престола Θεодора Алексѣевича,

именно — князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, человека очень уважаемаго покойнымъ государемъ. Которое изъ этихъ извѣстій было справедливѣе, или было ли справедливо которое нибудь изъ нихъ, могли знать только очень немногіе изъ приближеннѣйшихъ къ Царю людей. Когда же, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Θεодора, вдовствующая царица немедленно удалилась въ подмосковское село, Преображенское, Нарышкины потеряли всякое значеніе, подверглись явной немилости, и одинъ изъ нихъ чуть не лишился головы; а Матвѣевъ тоже отправился въ ссылку не больше, какъ черезъ полгода по вступленіи на престолъ Θεодора Алексѣевича, — то многіе стали думать, что правду говорили тѣ, которые подозрѣвали Матвѣева и Нарышкиныхъ въ намѣреніи устранить царевича Θεодора отъ престола. Матвѣева обвиняли въ чернокнижіи, покушеніи извести государя и въ лихоимствѣ; одного изъ братьевъ царицы въ томъ, что онъ замышлялъ умертвить Царя и говорилъ объ этомъ. Всему этому не совсѣмъ тогда вѣрили: Матвѣевъ изъ своей ссылки писалъ нѣсколько разъ къ государю и къ своимъ друзьямъ при дворѣ, оправдываясь въ томъ, что на него [взводили; преданные ему люди говорили, что все это больше ничего, какъ черная клевета, злоба и зависть Милославскихъ, Куракиныхъ, Хитрово, приближенныхъ новаго государя... До истины мудрено было добратся, потому что всѣ обвиненія шли неизвѣстно отъ кого, розыски дѣлались тайно, а кто и зналъ, можетъ быть, подробно всѣ эти дѣла, тотъ отмалчивался, чтобъ за излишнія рѣчи не урѣзали языка.

Въ это же время начали въ первый разъ произносить

имя одной изъ сестеръ государя, старшей его нѣсколькими годами, царевны Софіи Алексѣевны.

Царевенъ и царицъ зналъ народъ только по именамъ, которыя вычитывались на эктеняхъ, но никто ни одной изъ нихъ не видалъ и не могъ видѣть; если онѣ и выѣзжали когда изъ своихъ палатъ, то только въ монастыри, на богомолье, и то въ закрытыхъ каретахъ и колымагахъ, окруженные стражею, которая не позволяла народу приближаться. За исключеніемъ этого, онѣ проводили всю жизнь въ своихъ теремахъ, между сѣнными дѣвушками, приживалками, которыя забавляли ихъ городскими сплетнями, да между юродивыми и блаженными, которыхъ тогда чествовали, какъ угодныхъ Богу людей. Кромѣ этого онѣ могли принимать только очень немногихъ старыхъ боярынь, а изъ мужчинъ—своихъ родственниковъ, и то самыхъ близкихъ и пожилыхъ.

Такъ велось искони и почти также было еще при послѣднемъ царѣ. Но Софья Алексѣевна съ ранней молодости повела себя совершенно особливымъ образомъ. Ее не занимали вышиванья шелками и золотомъ, пустыя бредни полоумныхъ старухъ и пискливыя пѣсни комнатныхъ мастерицъ; она любила книги, въ которыхъ рассказывались исторіи о возвышеніи и паденіи царствъ, о громкихъ побѣдахъ, о людяхъ, отличавшихся умомъ и славными дѣлами. Наставникъ царскихъ дѣтей, Симеонъ Полоцкій, давалъ ей такія книги, читалъ ей и свои стихи, свои драмы, и говорятъ, что она сама кое-что сочиняла. При такомъ складѣ своего ума, царевна не очень стѣснялась строгими теремными обычаями и умѣла устроить такъ, что къ ней были допус-

каемы нѣкоторыя лица, которыя, по настоящему, не должны бы были имѣть доступъ къ царевнамъ. Свойственникъ ея по матери, Иванъ Богдановичъ Милославскій, человекъ умный, и его родственникъ Иванъ Михайловичъ, князь Иванъ Хованскій навѣщали ее и рассказывали ей о дѣлахъ государственныхъ, о своей службѣ на отдаленныхъ окраинахъ (*), о битвахъ своихъ съ Поляками и Татарами, о народахъ, населяющихъ Россію, и о томъ, какъ живутъ и управляются эти народы, а также народы, состоящіе подъ державою другихъ государей. Сѣдые бояре дивились что эта молодая дѣвица всѣмъ интересовалась, многое знала, и нерѣдко останавливались въ недоумѣніи передъ ея вопросами, не находясь какъ и что на нихъ отвѣчать.

Въ это время находился во всей Россіи можетъ быть одинъ только человекъ, котораго просвѣщенный умъ могъ стать въ уровень съ любознательностію царевны: это былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Человекъ этотъ игралъ въ свое время важную роль, а потому надо познакомиться съ нимъ покороче. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, подобно Матвѣеву, Симеону Полоцкому и нѣкоторымъ другимъ, не только безъ отвращенія смотрѣлъ на иноземцевъ, но замѣчая, что западные народы далеко опередили насъ и въ благосостояніи и въ просвѣщеніи, старался ближе съ ними познакомиться и научиться отъ нихъ. Зная нѣсколько иностранныхъ языковъ, онъ имѣлъ къ этому всѣ средства. Ближе другихъ странъ онъ

(*) Украинами вообще назывались пограничныя области.

познакомился съ Польшею, въ которой хотъ и начинались уже тогда неурейства, бывшія причиною ея паденія, но которая однакожь блистала прежнею своею славою и между всѣми государствами Европы отличалась свободою, предоставленною ея дворянству. Но въ глазахъ Русскихъ того времени не было выше добродѣтели, какъ поклоненіе старинѣ и все новое, иноземное казалось чуть не еретичествомъ; поэтому Голицыну ставили въ укоръ его вниманіе къ иноземному, порицали польской покроемъ его платья, любовь его къ чтенію латинскихъ книгъ и частыя его бесѣды съ Нѣмцами и Поляками. Но молодой Царь ученикъ Полоцкаго, былъ самъ человекомъ новаго времени, онъ отличилъ Голицына въ толпѣ своихъ царедворцевъ, приблизилъ его къ себѣ и скоро увидѣлъ, что это человекъ съ большимъ государственнымъ умомъ. Такой помощникъ былъ находкою для умнаго, образованнаго, но болѣзненнаго Ѳеодора. Видя, что большая часть войнъ, веденныхъ отцомъ его и имъ самимъ, были неуспѣшны, онъ сталъ, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ, обдумывать, какія бы тому могли быть причины, и отыскивая ихъ, эти причины, они дошли до вопроса о мѣстничествѣ.

Мѣстничество состояло въ томъ, что люди, выходя на военную, гражданскую или придворную службу, считались между собою мѣстами, которыя занимали ихъ отцы и предки. Такимъ образомъ человеку, котораго отецъ былъ бояриномъ, «не доводилось» становиться подъ команду человека, котораго отецъ былъ только окольничимъ, или идти позади его въ какой нибудь процессіи, или садиться ниже его за столомъ царскимъ. Это соблюдалось съ необыкновенною строгостію; изъ за мѣ-

сть происходили драки даже въ царскихъ палатахъ, изъ за мѣстъ воеводы покидали рать въ виду непріятеля. Цари наши, при всемъ ихъ самовластіи, не могли истребить мѣстничества, которое держалось за самыя глубокія понятія нашихъ предковъ,—за понятія о старшинствѣ и объ этикетѣ. И вотъ этотъто старинный обычай задумали уничтожить Ѳеодоръ Алексѣевичъ и его молодой любимецъ.

Не желая сдѣлать этого посредствомъ простого указа, который могъ бы вызвать большое неудовольствіе въ народѣ,—потому что мѣстничались не только знатные, но и простые люди, — Царь собралъ въ 1682 году *соборъ*, какъ это дѣлалось въ самыхъ важныхъ случаяхъ, и предоставилъ ему рѣшить, можетъ ли долѣе существовать мѣстничество? Соборъ этотъ, состоявшій изъ высшаго духовенства и бояръ, произнесъ его уничтоженіе, открывая такимъ образомъ широкую дверь будущимъ, еще болѣе важнымъ преобразованіямъ, которыми скоро послѣ того предстояло совершиться.

Но роль преобразователя была суждена не Ѳеодору: тѣло этого умнаго молодого государя изнемогало. Всѣ видѣли, что онъ не долговѣченъ и съ безпокойствомъ замѣчали, что у него нѣтъ дѣтей. Супруга его, изъ дома Грушецкихъ, скончалась; казалось, что онъ за нею скоро послѣдуетъ; однакожь одинъ изъ его самыхъ приближенныхъ любимцевъ, Языковъ, убѣдилъ его жениться во второй разъ, и выборъ Царя палъ на дочь дворянина Апраксина, Марѳу Матвѣевну; но онъ, кажется, чувствовалъ себя слабымъ и недолговѣчнымъ и не надѣялся имѣть прямыхъ наслѣдниковъ. Всѣ замѣтили, что около этого времени опала Нарышкиныхъ

начала смягчаться и что Царь, въ первый еще разъ по вступленіи на престолъ, посѣтилъ свою мачиху; Матвѣеву позволено было оставить Пустозерскій острогъ, въ мрачномъ печерскомъ краю, гдѣ онъ умеръ съ голоду и холоду, и поселиться въ нынѣшней костромской губерніи.

Все это было дѣломъ Языкова; друзья Матвѣева говорили, что этотъ любимецъ открылъ Царю глаза на невинность изгнанника, но многіе, и кажется справедливые, догадывались, что Языковъ не надѣялся, чтобъ Царь имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ, и старался угождать царевичу Петру, къ которому, по мнѣнію многихъ, могъ со временемъ перейти престолъ.

Царь, въ самомъ дѣлѣ, слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Въ первые годы своего царствованія онъ дѣлалъ такъ называемые *походы* по ближайшимъ монастырямъ верхомъ, любя верховую ѣзду и лошадей; это были великолѣпные поѣзды, гдѣ сотни всадниковъ блестѣли парчевыми и бархатными шубами и ферязями, гдѣ конская сбруя и оружіе сверкали золотомъ и каменьями. Съ нѣкотораго же времени онъ вовсе не оставлялъ дворца и едва передвигался изъ одной палаты въ другую: уже обрядъ вторичнаго брака былъ совершенъ не въ соборѣ, съ торжествомъ и пышностію, какъ заведено было обычаемъ, а въ одной изъ внутреннихъ дворцовыхъ церквей. Жаль было этого добраго, умнаго юноши, который въ короткое свое царствованіе успѣлъ сдѣлать довольно много для блага Россіи! Всѣ, кому дорого было спокойствіе и благоденствіе отечества, сокрушались, видя приближающуюся смерть государя, и не видя прямого его наслѣдника.

Отъ этого вопроса сильно кипѣли умы нашихъ сановниковъ и царедворцевъ.

Благодаря расчетамъ или расположенію Языкова и Апраксиныхъ, Нарышкины опять собрались, сосчитались и увидѣли, что ихъ и ихъ друзей не мало Дорога отъ Москвы къ Преображенскому, забытая и заглохшая въ первые годы Θεодорова царствованія, теперь оживилась. Царица, дядьки молодого царевича, Стрѣшневые, — ея родственники и друзья, которыхъ число въ это время вдругъ увеличилось, стали вспоминать и выдавали за вѣрное, что еще покойный Царь думалъ сдѣлать своимъ преемникомъ Петра; что Іоаннъ Алексѣевичъ и здоровемъ, и зрѣніемъ, и духомъ слабъ, что если онъ будетъ государемъ, то опять первыя мѣста займутъ Милославскіе да Соковнины, и что все пойдетъ тогда дурно, — по крайней мѣрѣ для нихъ, Нарышкиныхъ и ихъ друзей. Одинъ только тотъ, кто былъ причиною или предлогомъ всѣхъ этихъ заботъ, девятилѣтній Петръ не принималъ участія въ этихъ толкахъ и пересудахъ, рѣзвился и бѣгалъ подъ старыми соснами Преображенскаго, или катался въ маленькой каретѣ, которую можно и теперь видѣть въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ.

Съ другой стороны, подобныя же рѣчи велись между родственниками (по матери) царевича Іоанна; они доказывали, что первородство есть естественный законъ и стародавній обычай; что если онъ будетъ нарушенъ, то вся власть попадетъ въ руки вдовствующей царицы и Матвѣева съ Нарышкиными, и что тогда все пойдетъ изъ рукъ вонъ дурно... по крайней мѣрѣ для нихъ, Милославскихъ и ихъ друзей. И здѣсь, точно также, не принималъ въ этихъ толкахъ участія именно тотъ,

чье имя выставлялось впередъ: царевичъ Іоаннъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ, печально опусти къ землѣ свои мутные, слабые глаза и не заботился нисколько о всемъ томъ, что вокругъ него происходило.

А Царь Θεодоръ? онъ скоро послѣ свадьбы слегъ въ постель, и около этой-то постели сильнѣе всего кипѣли толки, происки. Молодая царица и царевна Софія не отходили отъ больного; но первая вся предана была горести своей: передъ нею раскрывалась унылая будущность нескончаемаго вдовства, печальнаго уединенія въ пышномъ теремѣ; царевна Софія, напротивъ старалась воспользоваться короткими минутами, оставшимися еще ея брату, чтобъ открыть для себя дорогу къ значенію и власти, о которыхъ она давно мечтала. Для этого ей было нужно, чтобъ Царь назначилъ по себѣ преемникомъ Іоанна; она вполнѣ была увѣрена, что будетъ управлять его именемъ.

Но было еще и третье лицо, не отходившее отъ изголовья умирающаго Государя, а именно — любимецъ его, Языковъ. Начавши дѣйствовать въ пользу Петра, онъ употреблялъ всѣ возможные старанія, чтобъ меньшей царевичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола: при немъ онъ могъ надѣяться быть если не первымъ лицомъ, то хоть изъ первыхъ.

Θеодоръ Алексѣевичъ колебался между этими двумя вліяніями и не дѣлалъ никакого распоряженія. И вотъ 27-го апрѣля, часа въ 4 по полудни, когда весеннее солнце играло на золоченыхъ главахъ кремлевскихъ соборовъ и молодая зелень одѣвала сады, которыми Москва богата, опять раздался протяжный, печальный звонъ колокола:

это значило, что Царь закрылъ глаза на вѣки. Народъ повалилъ къ Кремлю; царедворцы, бояре, служилые люди, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ тяжелой колымагѣ, спѣшили туда же. Площадь передъ Грановитою палатою была какъ залитая народомъ; по Красному крыльцу (*) торопливо, съ озабоченнымъ видомъ, всходили сановные люди. Скоро потомъ дьякъ объявилъ народу, что всѣ, кто желаетъ, могутъ дать усопшему послѣднее цѣлованіе. Народъ хлынулъ во дворецъ, но безъ шума, съ тѣмъ серьезнымъ почтеніемъ, которое невольно ощущается при видѣ свѣже—похищенной смертію жервы.

Сожалѣніе о молодомъ, добромъ и умномъ государѣ смѣшивалось съ безпокойствомъ: кто же будетъ править царствомъ? спрашивали одни у другихъ. Многіе, знавшіе колебанія покойнаго Царя относительно назначенія себѣ преемника, боялись, чтобъ не произошло безпорядковъ, такъ что иные надѣли панцыри и кольчуги подъ кафтаны, отправляясь во дворецъ.

Большая часть знатныхъ людей, Одоевскіе, Черкасскіе, Долгоруковы, Ромодановскіе, Троекуровы, Репнины, желали видѣть Царемъ Петра; патріархъ, —имъ былъ въ то время престарѣлый Іоакимъ, — тоже склонялся на его сторону, любя набожную, щедрую къ монастырямъ Наталію Кирилловну. Сторонниковъ Іоанна было гораздо меньше. Тѣ и другіе, собравшись въ передней палатѣ,

(*) Краснымъ крыльцомъ называлось и называется теперь то крыльцо, которое съ площади передъ Грановитою палатой ведетъ въ Святые сѣни, и оттуда въ Грановитую палату и во внутренность дворца; верхняя площадка этого крыльца соединяетъ Святые сѣни съ Благовѣщенскимъ соборомъ.

шопотомъ, но горячо разговаривали между собою, когда дверь распахнулась и въ тѣсно наполненную палату вступилъ патріархъ съ духовенствомъ. Благословивъ присутствовавшихъ, онъ сказалъ: «Царь Θεодоръ Алексѣвичъ отошелъ въ вѣчное блаженство. Чадъ по немъ не осталось, но остались братія его, царевици Іоаннъ и Петръ Алексѣвичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбію (болѣзнію) и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девятилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ престола російскаго? Единый или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божиимъ; кто же изрѣчетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды!»

Выслушавъ эти слова въ глубокомъ молчаніи, собраніе заговорило все вдругъ: голоса сливались и покрывались одинъ другимъ; но наконецъ, поверхъ смутнаго говора слышался благоразумный совѣтъ отдать это важное дѣло на рѣшеніе всему православному народу.

Совѣтъ въ самомъ дѣлѣ былъ благоразумный; только гдѣ было взять весь православный народъ? У Краснаго крыльца толпилась только Москва, а не вся Россія. Однако это не пришло ни кому въ голову, и патріархъ, съ крестомъ въ рукѣ, духовенство съ хоругвями, и царедворцы, бояре и другіе чиновные люди выступили на верхнюю площадку Краснаго крыльца. При видѣ ихъ, смутный говоръ многочисленной толпы смолкнулъ, головы обнажились и посреди глубокаго безмолвія первосвятитель произнесъ торжественный вопросъ: «Кому изъ двухъ царевицей быть Царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе.»

И тысяча голосовъ отвѣтила на это именемъ Петра.

Патріархъ благословилъ народъ и, возвратясь въ палаты, объявилъ народное рѣшеніе, а діаконъ возгласилъ многолѣтіе новому государю.

Это было великимъ торжествомъ для Нарышкинской партіи и жестокимъ ударомъ для Милославскихъ! Царевны, по тогдашнему обычаю, при всемъ этомъ не присутствовали; Софія Алексѣевна, окруженная своими сестрами и тетками, съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ окончится избраніе: явился патріархъ и объявилъ о немъ.

«Избраніе это не право! воскликнула пылкая царевна:— Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть Царемъ!»

Кровь ея кипѣла; она требовала, чтобъ незаконное избраніе было уничтожено, или чтобъ оба брата царствовали.

«Многоначаліе пагубно, возразилъ святитель: — да будетъ единъ Царь: такъ угодно Богу.»

Скоро однакоже Софія Алексѣевна овладѣла собою и вмѣстѣ съ прочими царевнами поспѣшила поздравить государя.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА.

I.

Нарышкины призываютъ Матвѣева. — Они захватываютъ важнѣйшія должности. — Стрѣльцы; ихъ неудовольствіе противъ своихъ полковниковъ, ихъ челобитная. — Опрометчивое рѣшеніе по ней. — Царевна Софія и ея приближенные. — Они искусно возбуждаютъ между стрѣльцами неудовольствіе. — Начало волненій въ стрѣleckихъ слободахъ. — Возвращеніе Матвѣева въ Москву. — 15 мая (1682). А. Милославскій и Толстой увѣряютъ стрѣльцовъ, что царевичъ Іоаннъ лишенъ жизни Нарышкиными. — Стрѣльцы врываются въ Кремль, Матвѣевъ ихъ успокоиваетъ. — Долгоруковъ снова раздражаетъ ихъ. — Убийства. — Смерть князя Ю. Долгорукова. — 16 мая; случай съ Датскимъ резидентомъ. — 17 мая; умерщвление И. Нарышкина и Гадена. — Стрѣльцы успокоиваются. — Арабъ Матвѣева. — Царевна приобретаетъ значеніе. — Стрѣльцы требуютъ, чтобъ царевичъ Іоаннъ соцарствовалъ Петру, а царевна была правительницею. — Вѣнчаніе Царей.

Велика была досада царевны Софіи и ея злоба противъ Языкова, Нарышкиныхъ и царицы, ея мачихи, съ которою, какъ сказано, она и прежде никогда не была въ добрыхъ отношеніяхъ. Ея родственники, друзья, со-

вѣтники собрались къ ней подумать: что и какъ дѣлать? Всѣ они были того мнѣнія, что одна Москва не имѣла права рѣшить дѣла, касавшагося всей Россіи, и что, слѣдовательно, избраніе было неправильно; они говорили, что имя Петра было произнесено во-все не такъ единогласно, какъ увѣряли ихъ противники, и что много было голосовъ за Іоанна. Но какъ теперь перевершить избраніе? Вотъ вопросъ. Рѣшились ждать благопріятнаго случая, а между тѣмъ распространять, сколько можно, мысль о томъ, что царевичъ Іоаннъ неправильно устраненъ отъ престола.

Между тѣмъ, какъ только Петръ былъ избранъ, Нарышкины послали нарочнаго гонца къ Матвѣеву, чтобъ онъ спѣшилъ въ Москву; онъ былъ первый человекъ между ними: умный, осторожный, опытный въ дѣлахъ правительственныхъ. Матвѣевъ поднялся въ путь, но ѣхалъ довольно медленно; останавливался по дорогѣ въ монастыряхъ, отдыхалъ, выслушивалъ привѣтственные рѣчи, служилъ молебствія. Правда, что поѣздка его имѣла видъ торжественнаго шествія и что этимъ тріумфомъ онъ себя вознаграждалъ за печальные годы изгнанія, но за то онъ потерялъ много времени и прибылъ въ Москву только 12-го мая, а въ эти какіе нибудь 20 дней со смерти покойнаго Царя, въ Москвѣ очень многое измѣнилось и неудовольствіе противъ новаго правительства имѣло время сильно распространиться. Нарышкины захватили себѣ почетнѣйшія должности при дворѣ; высокомѣріе ихъ раздражило уже многихъ изъ значительнѣйшихъ людей и, главное, они успѣли показать совершенную свою неспособность къ правленію.

Это было именно по поводу стрѣleckихъ жалобъ. Въ

другое время можно будетъ подробнѣе разсказать, какъ образовались и управлялись стрѣльцы, теперь довольно знать, что они составляли самую сильную часть нашего войска и управлялись очень худо, что ихъ полковники и другіе начальныя люди ихъ притѣсняли, дурно съ ними обращались, заставляли на себя работать, не отпускали слѣдующихъ имъ денегъ и жестоко мучили ихъ, когда они жаловались. При Ѳеодорѣ стрѣлецкимъ приказомъ управляли князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ и Языковъ. Первый былъ слишкомъ старъ, чтобъ хорошенько заниматься своимъ дѣломъ; онъ былъ восьмидесяти-лѣтній старецъ и лежалъ въ параличѣ; что же касается до Языкова, то онъ почти не отходилъ отъ Царя, слѣдовательно и ему не было времени взглянуть, какъ управляются стрѣлецкіе полки. Случайно до него дошла одна жалоба стрѣльцовъ на свое начальство; но это было за нѣсколько дней до смерти Ѳеодора Алексѣевича: до того ли было его любимцу, чтобъ разбирать, кто правъ, кто виноватъ? Онъ приказалъ жестоко наказать жалобщиковъ и поспѣшилъ къ постели умирающаго государя.

Однако его распоряженіе причинило чуть не мятежъ между стрѣльцами; они избili дьяка, которому было поручено учинить наказаніе, и сердито волновались въ своихъ слободахъ, жалуясь, что не могутъ найти ни суда, ни расправы. Когда же вступилъ на престолъ Петръ, *выборные* (*) почти отъ всѣхъ полковъ явились къ нему съ жалобами на притѣсненія своихъ полковниковъ. Совѣтники

(*) Выборными назывались тѣ, которыхъ полки, а также города или земскія общества выбирали, чтобы ихъ именемъ говорить объ общихъ дѣлахъ.

молодаго Царя понимали, что раздражать войско въ то время, какъ ихъ власть еще не прочно утвердилось, опасно, и, не задумываясь долго, приказали *выдать головою* (*) этихъ полковниковъ стрѣльцамъ. Они не разочли только одного: что лишь правый судъ, а не потворство, могъ успокоить стрѣльцовъ. Стрѣльцы, получивъ царскій указъ, схватили своихъ полковниковъ и начали ихъ истязать самымъ мучительнымъ образомъ и это продолжалось нѣсколько дней; продолжалось бы конечно и болѣе, еслибъ патріархъ не прислалъ священниковъ уговорить и усовестить ихъ.

Это показало царевнѣ Софіи и ея друзьямъ, что ихъ противники люди посредственные, даже меньше чѣмъ посредственные, и что съ ними можно бороться. Это доказало также, что немного нужно было усилій, чтобъ раздуть мятежъ въ Москвѣ, и они рѣшились воспользоваться волненіемъ стрѣleckаго войска.

Но кто же были эти друзья царевны, которые помогали ей въ этомъ случаѣ? Вѣроятно, первымъ ея совѣтникомъ былъ Голицынъ; но онъ былъ человѣкъ очень осторожный и нѣсколько нерѣшительный, такъ что объ его участіи можно только догадываться; во всемъ, что до этого касалось, онъ держался совершенно въ сторонѣ, въ тѣни. Другой повѣренный царевны былъ князь Иванъ Хованскій; но онъ былъ человѣкъ пустой и чрезмѣрно тщеславный, который никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ видѣть затрудненій, и воображалъ, что все должно само собою сдѣлаться, лишь только онъ того пожелаетъ. По этому, въ дѣлѣ, гдѣ

(*) Выдать головою значило отдать жалобщику виноватаго для наказанія по его усмотрѣнію.

нужна была осторожность, онъ не могъ быть полезенъ. По счастію для царевны, у нея былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, а онъ въ настоящемъ случаѣ одинъ стоилъ многихъ. Рысьими своими глазками онъ все видѣлъ, слышалъ все, вѣдалъ все; не зналъ ни отдыха, ни покоя, не гнушался ничьей услуги, лишь бы она была полезна, не останавливался ни предъ какою мѣрою, лишь бы она вела къ цѣли. Въ нѣскольکو дней онъ сблизился съ вліятельнѣйшими людьми въ стрѣльцкомъ войскѣ и чрезъ нихъ успѣлъ распространить между стрѣльцами сомнѣніе въ справедливости Петрова избранія и подозрѣніе въ замыслахъ Нарышкиныхъ на самую жизнь Іоанна. Эти злодѣи, внушалъ онъ имъ, устранивъ незаконнымъ образомъ старшаго царевича отъ престола, и боясь, чтобъ его мщеніе когда нибудь не постигло ихъ, теперь думаютъ только, какъ бы его извести!

Сказки эти имѣли видъ правдоподобія и быстро распространялись между стрѣльцами; онѣ распространялись тѣмъ сильнѣе, что почти никто не зналъ откуда онѣ вышли. Милославскій притворялся больнымъ, сидѣлъ дома, и только по ночамъ принималъ своихъ повѣренныхъ изъ числа стрѣлецкихъ начальниковъ, между которыми достаточно назвать одного Цыклера, игравшаго роль и впослѣдствіи. Ему помогали еще родственники его, Александръ Милославскій и Толстые, Иванъ и Петръ, тогда еще молодые люди, незначительные, но расторопные, ловкіе и умные, особенно послѣдній. Ему удалось не только увернуться отъ наказанія, когда Петрова сторона одолѣла, нѣсколько лѣтъ спустя, но сдѣлаться даже однимъ изъ любимцевъ Петра І-го.

Всѣ эти рѣчи сильно смущали стрѣльцовъ. Они собирались въ *круги* (*) по казачьему обычаю, совѣщались между собою, ругали Нарышкиныхъ, печалились за царевича Іоанна. Если кто нибудь изъ ихъ начальниковъ пробовалъ ихъ урезонивать или запрещать имъ собираться, тѣхъ они не только били, но и убивали: вставляли на высокія каланчи своихъ *сѣзжихъ избъ* (**), и съ размаху оттуда сбрасывали! Нарышкины все это терпѣли, боясь раздражать стрѣльцовъ! А между тѣмъ вся Москва была въ страхъ и безпокойствѣ отъ этихъ стрѣльцовъ; они бродили по городу пьяными ватагами, съ пѣснями, криками и угрозами; ночью никто не смѣлъ выходить на улицу; ставни и ворота, какъ только они показывались, поспѣшно запирались. Въ слободахъ, гдѣ они жили, лилось вино, безъ всякаго приказа и повода гремѣли барабаны и раздавался набатный колоколъ.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву Матвѣевъ. Дворъ его поросъ травою во время его долгаго отсутствія, но скоро колымаги и рыдваны, верховые кони и толпы слугъ наполнили этотъ дворъ; покои едва могли вмѣщать посѣтителей, спѣшившихъ привѣтствовать знаменитаго изгнанника, который теперь дѣлался первымъ человекомъ въ государствѣ. Царица встрѣтила его со слезами, и онъ плакалъ, цѣлуя руки ея и ея сына.

Матвѣевъ пріѣхалъ въ трудное время; происки ца-

(*) *Круги* у донскихъ казаковъ, *рады* у малороссійскихъ, *міры* у великороссійскихъ крестьянъ, все это разныя названія поголовной сходки для рѣшенія общихъ дѣлъ: обычай старинный въ Россіи.

(**) Тоже самое, что полковые дворы въ нынѣшнихъ полкахъ.

ревниой партіи не были ни для кого тайною; всѣ ожидали большихъ безпорядковъ; надо было немедленно сдѣлать быстрыя распоряженія: увезти царскую фамилію изъ Москвы, собрать вокругъ нея надежныхъ защитниковъ и унять буйство стрѣльцовъ. Къ сожалѣнію, Матвѣевъ не былъ такимъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ это время, то есть, энергическимъ, смѣлымъ и быстрымъ. Два дня прошло со времени его прибытія, и никакихъ мѣръ не предпринималось; на третій же день было уже поздно!

15-го мая, рано утромъ, въ стрѣлецкія слободы прискакали Толстые и Александръ Милославскій, крича, что Нарышкины удушили царевича Іоанна. Грянули барабаны, загудѣли набатные колокола; стрѣльцы сбѣгались со всѣхъ сторонъ къ полковымъ своимъ дворамъ. Тамъ на бойкихъ аргамакахъ извивались коварные вѣстники и разжигали стрѣльцовъ. — «Злодѣи Нарышкины» говорили они «выбрали тотъ самый день, когда была такими же злодѣями пролита кровь святаго царевича Дмитрія.»

И въ самомъ дѣлѣ, 15-го мая празднуется память этого святаго страдальца.

Не разсуждая долго и уже издавна подготовленные, стрѣльцы кинулись къ Кремлю, крича: «изведемъ всѣхъ измѣнниковъ царскаго рода!»

Въ это время во дворцѣ было много сановниковъ, собравшихся для засѣданія въ думѣ (*); былъ тамъ и

(*) Дума — совѣтъ государя, въ которомъ обсуждались важнѣйшія дѣла.

Матвѣевъ; ничего не подозрѣвая, онъ собирался ѣхать домой, когда одинъ изъ царедворцевъ, князь Урусовъ, блѣдный и разстроенный, прибѣжалъ, крича, что стрѣльцы съ оружіемъ и угрозами приближаются къ Кремлю. Все разомъ всполошилось. Приказали поскорѣе запереть кремлевскіе ворота, но уже было поздно: толпы стрѣльцовъ, какъ волны, хлынули въ Спасскія, Никольскія, Боровицкія ворота; въ одну минуту они наполнили весь Кремль, и бердыши и копья ихъ сверкали подъ самымъ окнами Грановитой палаты. Они требовали, чтобъ имъ выдали убійцъ царевича Іоанна: «если не выдадутъ ихъ, кричали они, всѣхъ перебьемъ!»

Матвѣевъ тотчасъ сообразилъ, что самое лучшее средство унять стрѣльцовъ, это показать имъ царевича Іоанна. Послушались его; Царь Петръ, царевичъ Іоаннъ, царица Наталія Кирилловна, нѣкоторыя изъ царевенъ и за ними множество царедворцевъ и бояръ вышли на верхнюю площадку Краснаго крыльца. Царица робко прижимала къ себѣ маленькаго Царя, но онъ бойко озирался своими большими, умными, черными глазами; Іоаннъ, напротивъ того, надвинувъ шапку на брови, стоялъ, потупивъ взоры и опустивъ голову. Стрѣльцы примолкли, видя обоихъ ихъ здравствующими; но не на долго. Насъ обманываютъ, стали поговаривать нѣкоторые; это не царевичъ Іоаннъ; кого нибудь другаго вмѣсто него подставили! И взбѣгая на крыльцо, они подходили къ нему, вглядывались въ него и спрашивали: — «Ты ли царевичъ Іоаннъ, и кто изъ бояръ измѣнниковъ изводитъ тебя?»

Разумѣется, царевичъ отвѣчалъ такъ, что и подозрѣвать было нечего и некого. Стрѣльцы немножко успо-

коились. Тогда спустился съ крыльца Матвѣевъ: этотъ умный и всегда осторожный старикъ сталъ говорить стрѣльцамъ тихимъ голосомъ, съ кроткимъ видомъ, что ихъ обманули, что они сами видятъ, что царевичъ Іоаннъ здравствуетъ, что обоихъ братьевъ соблюдаютъ приставленные къ нимъ бояре, какъ зѣницу ока, и убѣждалъ разойтись по домамъ, оставивъ мятежное дѣло. Эти разсудительныя, кроткія слова, почтенная наружность Матвѣева, нѣсколько похудѣвшее отъ лѣтъ и страданій лицо, съ длинною, сѣдою бородою и серебряными волосами, память о прежней къ нему любви и о его ратной службѣ подѣйствовали на стрѣльцовъ; они стали переглядываться, пятиться и, кажется, готовы были расходиться. На бѣду, когда Матвѣевъ взошелъ опять на верхъ, вздумалъ ему помочь князь Долгоруковъ, недавно назначенный въ стрѣлецкій приказъ; онъ тоже обратился къ стрѣльцамъ, но заговорилъ грознымъ голосомъ, прикрикнулъ, сталъ грозить, и испортилъ все дѣло: стрѣльцы вспыхнули, кинулись наверхъ, схватили Долгорукова и сбросили на копья своихъ товарищей...

Первая капля крови была пролита: полились ея и потоки! За Долгоруковымъ полетѣлъ внизъ и Матвѣевъ. Царица кинулась было къ нему, чтобъ его защитить; одинъ изъ старыхъ друзей, князь Черкасскій, прикрылъ его собою: ничто не помогло, въ одну минуту онъ былъ исколотъ копьями, изрубленъ бердышами (*). Царица съ сыномъ, царевна, царевичъ съ ужа-

(*) Родъ топора на длинномъ древкѣ,

сомъ бросились во дворецъ; стрѣльцы за ними, наклонивъ свои копья; они бѣгали изъ одного покоя въ другой, требуя Нарышкиныхъ, искали ихъ вездѣ: въ тайныхъ теремахъ царевнѣ, въ молельняхъ и храмахъ дворцовыхъ, въ кладовыхъ, въ погребахъ. Въ слѣпомъ своемъ изступленіи, они убивали одного вмѣсто другаго: такъ изрубили они Солтыкова, принявъ его за брата царицы. Но это не спасло Нарышкина: онъ былъ отысканъ и изрубленъ въ куски.

Пока однѣ толпы неистовствовали во дворцѣ, другія разсыпались по всему городу, избивали бояръ, противъ которыхъ они были ожесточены, и своихъ начальниковъ, на которыхъ давно злобились. Такъ былъ убитъ старый воевода Θεодора Алексѣевича, князь Ромодановскій, нѣсколько стрѣлецкихъ полковниковъ и дьяковъ стрѣleckаго приказа. Въ замоскворѣчьи убили они одного изъ Нарышкиныхъ, дальняго родственника царицы, стольника, слѣдовательно человѣка незначительнаго и который едва ли могъ сдѣлать имъ какое нибудь зло. Тогда же погибъ и Языковъ, любимецъ покойнаго Царя, бывшій начальникъ стрѣleckаго приказа, и еще нѣкоторые другіе.

День сталъ клониться къ вечеру; стрѣльцы начинали расходиться по своимъ слободамъ. Одна толпа проходила мимо дома князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, отца того, чья кровь была пролита первою въ этотъ день. Это былъ нѣкогда бодрый воевода, одинъ изъ любимцевъ Алексѣя Михайловича, тотъ самый, который, какъ говорили, отстоялъ право Θεодора на престолъ; стрѣльцы вошли къ нему и стали извиняться въ смерти его сына. Старикъ скрылъ и свое горе, и свое негодованіе, и отпу-

стилъ ихъ съ миромъ, даже приказалъ выкатить имъ бочку вина; но оставшись одинъ, онъ воскликнулъ съ злобою: «добро, шуку они съѣли, но зубы ея остались!» — намекая на то, что найдутся мстители за смерть его сына. Слова эти были переданы стрѣльцамъ. Они вспыхнули, вломились въ спальню стараго князя, вытащили его на дворъ и изрубили въ куски.

Этимъ окончился кровавый день 15 мая. Всю ночь въ стрѣлецкихъ слободахъ гремѣли пѣсни, горѣли веселые огни; за то городъ былъ темень и тихъ, какъ могила; окна были на-глухо заперты, улицы безлюдны; только раздавалось завываніе собакъ да изрѣдка оклики карауловъ, разставленныхъ стрѣльцами въ Кремль и въ другихъ мѣстахъ, чтобъ кто нибудь изъ обреченныхъ на смерть не могъ пробраться за городъ.

На слѣдующій день опять загремѣли у стрѣльцовъ барабаны, раздался звонъ набата и буйныя толпы явились въ Кремль, требуя выдачи Нарышкиныхъ; стрѣльцы были увѣрены, что они спрятаны гдѣ нибудь во дворцѣ, и опять принялись вездѣ шарить и все перерывать. Въ самомъ дѣлѣ, оставшіеся въ живыхъ братья царицы, отецъ ея и молодой Матвѣевъ скрывались все это время то въ покояхъ у вдовы Царя Θεодора, то у маленькой царевны Наталіи Алексѣевны, то въ какомъ нибудь темномъ чуланѣ, между перинами и прочимъ хламомъ: они слышали шаги своихъ враговъ, ихъ голоса, слышали свои имена, произносимыя съ страшными угрозами, и ежеминутно ожидали смерти.

Въ тотъ день однакожь совершилось меньше убійствъ, чѣмъ въ предшествующій. Замѣчательень, между прочимъ, слѣдующій случай. Стрѣльцы были необыкновенно оже-

тсочены противъ лекаря покойнаго государя, перекрещеннаго еврея фонъ-Гадена, про котораго распустили молву, что онъ отравилъ Царя; не миновать бы ему смерти, еслибъ онъ не успѣлъ уйти изъ Москвы; его вездѣ искали, перерыли весь его домъ, допрашивали сосѣдей, и наконецъ ворвались къ резиденту датскаго короля, про котораго думали, что онъ знаетъ куда скрылся Гадень. Резидентъ, какъ и посланникъ, представляетъ лицо своего государя, слѣдовательно, онъ самъ и его домъ считаются неприкосновенными; но стрѣльцы на это не посмотрѣли, схватили его и повели въ Кремль, чтобъ тамъ допытать отъ него истину. Резидентъ, видно, былъ находчивый и умный человѣкъ; онъ не сопротивлялся, не толковалъ имъ о своей неприкосновенности, — чего они, конечно, не могли понять, — но сѣлъ на лошадь очень спокойно, ѣхалъ съ стрѣльцами, разговаривая съ ними и просилъ только защитить его отъ другихъ шаякъ, которыя, не зная его, могли бы его оскорбить или даже убить. Стрѣльцы взялись его охранять; и въ самомъ дѣлѣ, когда съ ними встрѣчались другія толпы и, видя иностранца и принимая его за Гадена, готовы были на него броситься, стрѣльцы, сопровождавшіе резидента, говорили: «не трогайте, это посоль ѣдетъ къ Царю съ грамотой», и такимъ образомъ благополучно доставили его въ Кремль, откуда онъ былъ, разумѣется, немедленно отпущенъ домой.

Стрѣльцы наконецъ разошлись по домамъ, довольно рано, объявивъ, что возвратятся на завтра, и если тогда не будетъ имъ выданъ Иванъ Нарышкинъ, то достанется и правымъ и виноватымъ. На прочихъ Нарышкиныхъ они не такъ злобились, какъ на Ивана, и соглашались удовольствоваться ихъ удаленіемъ отъ двора: пользуясь этимъ,

братья царицы и молодой Матвѣевъ пробрались ночью изъ дворца, переодѣтые впрочемъ и дрожа, чтобъ не встрѣтиться съ какою нибудь пьяною ватагою стрѣльцовъ.

17 мая, рано утромъ, они снова явились въ Кремль, и видъ ихъ не предвѣщалъ добраго. Они объявили, что не выйдутъ, пока не получаютъ головы Ивана Нарышкина. Что было дѣлать? Всѣ бояре, царедворцы совершенно потеряли головы отъ двухдневнаго непрерывнаго страха и тревоги. Они боялись и за семейство царское, и за себя собственно, переглядывались, и у одного изъ нихъ, князя Якова Никитича Одоевскаго, любимца Алексѣя Михайловича, поворотился языкъ сказать царицѣ, чтобъ она выдала брата своего. — «Сколько вамъ, государыня, сказалъ онъ, брата ни жалѣть, отдать его нужно будетъ; а тебѣ, Ивану, скорѣе отсюда идти надобно, чѣмъ намъ всѣмъ погубленнымъ быть!»

Видя, что и старые друзья ея супруга оставляютъ ее, царица зарыдѣла и, по совѣту Софіи Алексѣевны, отвела брата въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, надеясь, что въ этой священной обители злодѣи не рѣшатся его тронуть. Однако это не спасло его: стрѣльцы вломились туда, какъ львы готовые на ловъ, говоритъ Матвѣевъ—сынъ въ своихъ запискахъ, схватили его и поволокли въ застѣнокъ (*).

Туда же привели несчастнаго доктора Гадена, который два дня бродилъ по окрестностямъ Москвы, но наконецъ принужденъ былъ голодомъ возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ и былъ схваченъ. Его и Ивана Нарыш-

(*) Мѣсто, гдѣ производились пытки.

кина жестоко мучили и потомъ вытащили на Красную площадь и изсѣкли бердышами. Это были послѣднія двѣ жертвы: замучивъ ихъ, стрѣльцы говорили: «Дай Богъ здоровья Царю-государю! Теперь мы довольны!» Всего погибло въ эти несчастные дни 65 человѣкъ; страданія и смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ будто веселили ихъ мучителей. Таща ихъ на убіеніе, они кричали: «Се князь Долгорукой ѣдетъ! Се бояринъ Матвѣевъ!» Особеннымъ мученіямъ они предавали нѣкоторыхъ изъ своихъ полковниковъ и дьяковъ стрѣleckаго приназа; при этомъ они пьянствовали, неистовствовали. Но надобно замѣтить и то, что грабить, и особенно воровать, они не позволяли: нѣсколькимъ человѣкамъ, пойманнымъ въ кражѣ, они отрубили головы.

Между тѣмъ, тѣла всѣхъ убитыхъ въ эти дни валялись въ разныхъ мѣстахъ, и въ особенности на Красной площади, распространяя вокругъ себя нестерпимый смрадъ; карауль стрѣleckій стоялъ на этой площади и не позволялъ родственникамъ несчастныхъ подходить къ нимъ и убирать трупы. Да, правду сказать, рѣдко кто и рѣшался выразить свое участіе къ тѣмъ, которыхъ постигла ненависть стрѣльцовъ, и братья, жены, дочери убитыхъ оплакивали ихъ въ домахъ своихъ, крѣпко затворивши двери, чтобъ кто нибудь не увидѣлъ ихъ слезъ.

Но чего не смѣли сдѣлать жены и дочери для своихъ мужей и отцовъ, то сдѣлалъ черный рабъ для своего господина. Выкрещенный арабъ Матвѣева, по имени Иванъ, прошелъ между стрѣleckими караулами, отыскалъ трупъ бѣднаго Артамона Сергѣевича, отнесъ его на своихъ плечахъ и предалъ землѣ въ оградѣ Никольской (на Столбахъ) церкви. Въ послѣдствіи надъ

этимъ мѣстомъ поставлена была часовня, существующая и до сего времени, и вѣрный рабъ покоится въ ней рядомъ съ своимъ господиномъ.

Еще до начала всѣхъ этихъ смуть, во время приготовления къ нимъ, говорили, что все это дѣло царевны Софіи. Между тѣмъ во всѣ три дня мятежа участія ея въ немъ не было замѣтно; она оставалась безвыходно во дворцѣ и никто не видалъ, чтобъ она вступала въ какія нибудь сношенія съ главами мятежниковъ. Да и кто были эти главы, эти начальники? Никто не могъ ихъ указать; они ловко умѣли отойти въ сторону въ рѣшительную минуту. Однако самыя послѣдствія объяснили, зачѣмъ былъ онъ состряпанъ. Видя, что воспользовалась ими одна царевна, всѣ заключили, что она и приготовила все дѣло.

Стрѣльцы между тѣмъ перестали убивать и угрожать, но не перестали бродить по городу; они являлись съ раннего утра на Красную площадь, къ окнамъ Грановитой палаты, бродили, толкались; одна толпа уходила, другая являлась на ея мѣсто. Все это поддерживало безпокойство въ городѣ, да и правительство держало въ страхѣ, потому что стрѣльцы то жаловались, что имъ жалованье за прежніе годы не додано, то просили себѣ наградъ за свою вѣрную службу. Въ этихъ случаяхъ Софья Алексѣевна требовала къ себѣ выборныхъ, умно и спокойно съ ними разговаривала, по большей части обнадеживала, что ихъ желанія будутъ исполнены, и этимъ удерживала ихъ отъ новыхъ покушеній. Стрѣльцы и народъ привыкали ее видѣть, слышать отъ нея умныя рѣчи, отъ нея ожидать и ласки и справедливости, а между тѣмъ ея агенты безпрестанно тру

били въ уши по стрѣleckимъ слободамъ, что только тогда русское царство процвѣтетъ и успокоится, когда она, царевна, будетъ имъ править; но для этого нужно, говорили они, чтобъ царствовалъ ея единоутробный братъ Іоаннъ Алексѣевичъ, несправедливо устраненный отъ престола. Въ это же время назначенъ былъ начальникомъ стрѣleckаго приказа князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, одинъ изъ друзей царевны, — и дѣло пошло гладко и скоро.

Черезъ нѣсколько дней по прекращеніи мятежа, явились выборные отъ стрѣleckаго войска и объявили, то это войско и народъ Московскій желаютъ видѣть на Мономаховомъ престолѣ обоихъ братьевъ, Іоанна вмѣстѣ съ Петромъ. Собрали думу, выборныхъ отъ разныхъ сословій, и постановили: царствовать въ Россіи двумъ Царямъ. Прошло еще нѣсколько дней, опять явились во дворецъ выборные отъ стрѣльцовъ и сказали, что народъ московскій и стрѣleckое войско желаютъ, чтобъ, за малолѣтствомъ Царей, управляла государствомъ Софія Алексѣевна. Согласились и на это.

Скоро послѣ этого происходило вѣнчаніе на царство обоихъ Царей вмѣстѣ; для младшаго изъ нихъ были сдѣланы корона и другія регаліи, совершенно такія же, какъ и древнія, которыми вѣнчались Цари наши со временъ Іоанна IV; сдѣланъ былъ также и двойной тронъ съ закрытымъ позади его мѣстомъ для царевны Софіи, откуда она могла подсказывать своимъ братьямъ, что имъ дѣлать и что говорить. Этотъ любопытный тронъ можно видѣть и теперь въ московской Оружейной палатѣ.

II.

Князь Хованскій. — Надежды, возбужденныя между старообрядцами его возвышеніемъ. — Они стараются войти въ публичное состязаніе съ Православною Церковью чрезъ его посредство. — Патриархъ отъ этого уклоняется. — Самонадѣянность раскольниковъ чрезъ это увеличивается; они публично проповѣдуютъ. — 5 июля толпы ихъ вступаютъ въ Кремль и требуютъ публичнаго пренія съ православнымъ Духовенствомъ. — Царевна назначаетъ это преніе въ Грановитой Палатѣ. — Буйство Никиты Пустосвята. — Царевна находитъ опору въ стрѣльцахъ. — Никиту казнятъ, другихъ ссылаютъ, остальные притихаютъ. — Разрывъ Хованскаго съ партіею царевны. — Слухъ о замышляемомъ имъ избиеніи Царскаго дома во время крестнаго хода. — Удаленіе двора изъ Москвы. — Призывъ ратныхъ людей. — Приглашеніе Хованскаго на церемоніаль въ Троицкую лавру. — Дорогою князь Лыковъ его арестуетъ. — Казнь его и его старшаго сына, безъ суда. —

Мы уже знаемъ немножко, что такое былъ церковный расколъ; знаемъ и то, что онъ сильно распространился и очень усилился въ короткое время. Правительство начало его преслѣдовать; раскольниковъ хватали, ссылали на покаяніе, заставляли обращаться въ православіе, а

когда они не соглашались, то подвергали жестокимъ мученіямъ и даже смерти. И что же? расколъ продолжалъ усиливаться. Идя на казнь, перенося тяжкія истязанія, эти несчастные продолжали пѣть священныя пѣснопѣнія, читать молитвы и проповѣдывать о преимуществахъ *старой вѣры*; эти зрѣлища, которыми думали устрашить сектаторовъ, производили совершенно противное дѣйствіе: оно поражало умы самихъ православныхъ, которые, говорили: видно ихъ вѣра и впрямъ хороша, когда они идутъ за нее на мученія и на смерть!

Что же касается до самихъ раскольниковъ, то послѣ каждой обрушившейся на нихъ грозы, они разбѣгались въ глухіе лѣса, въ отдаленныя пустыни, въ пограничныя мѣста, гдѣ уже не боялись преслѣдованій, вписывали новыхъ мучениковъ въ число чтимыхъ ими святыхъ, и въ ихъ примѣрахъ почерпали новыя силы, новую непріязнь къ правительству, терпѣливо ожидая конца, какъ они говорили, царствованію антихриста!

Это блаженное время, казалось наступило для нихъ съ возвышеніемъ одного отъ ихъ братіи, князя Хованскаго, попавшаго въ число приближеннѣйшихъ людей новаго правительства. Теперь намъ какъ-то странно вообразить себѣ старообрядца между знатными людьми; всякій образованный человѣкъ понимаетъ, что не двуперстнымъ знаменіемъ а добрыми дѣлами можно угодить Богу; но въ то время, когда непросвѣщеніе было обще всей Россіи, старообрядцы часто встрѣчались въ числѣ знатныхъ и именитыхъ людей. Князь Иванъ Хованскій былъ человѣкъ очень знат-

ный и богатый; его любилъ покойный Царь Алексѣй Михайловичъ, но въпрочемъ не давалъ ему особенно важныхъ порученій, не имѣя слишкомъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ. За то самъ князь считалъ себя первымъ человѣкомъ въ государствѣ и никого не признавалъ себѣ равнымъ. Его страсть была тщеславіе: онъ только тогда и былъ счастливъ, когда ему кланялись, льстили ему, удивлялись; выѣзжая изъ дому онъ бралъ съ собою множество мелкихъ денегъ, которыя разбрасывалъ народу и радовался, видя, какъ за нимъ бѣгутъ толпы всякаго сброду. Между новыми своими подчиненными, стрѣльцами, онъ былъ очень популяренъ; они его называли не иначе, какъ «батюшкою» и, указывая на шумъ и давку, которыя поднимались, когда онъ появлялся на улицѣ, говорили: «большій ѣдетъ!»

Впрочемъ серьезнымъ уваженіемъ онъ не пользовался, и народъ припечаталъ его насмѣшливымъ прозвищемъ *Тараруя*. Хованскій, какъ сказано, принадлежалъ къ расколу. Увидя его въ милости и силѣ, единовѣрцы его заволновались; приходитъ конецъ, говорили они, царству антихристову и начинается торжество истинной, старой вѣры! Они нахлынули въ Москву, явились въ стрѣleckихъ слободахъ, гдѣ было много раскольниковъ, стали поучать народъ на улицахъ, на площадяхъ, предсказывая близкую гибель *Никонианцевъ* и называя священниковъ хищными волками, а церкви анбарами... Народъ слушалъ ихъ и смущался.

Но раскольникамъ уже недостаточно казалось, что онѣ въ самой Москвѣ свободно проповѣдуютъ; имъ захотѣлось полного и гласнаго торжества, котораго они

надѣялись достигнуть публичнымъ, всенароднымъ преніемъ съ патріархомъ и епископами. Нашелся грамотѣй, который написалъ объ этомъ челобитную; нѣсколько раскольничьихъ поповъ и проповѣдниковъ да нѣсколько выборныхъ стрѣльцовъ прослушали ее, и положили довести свое желаніе до Царей черезъ Хованскаго «Только смотрите же», говорили попы стрѣльцамъ: «стойте крѣпко за святую вѣру!»

Съ этимъ отправились къ Хованскому. Тотъ никакъ ни ожидалъ, чтобъ нѣсколько малоизвѣстныхъ постниковъ затѣяло состязаться съ нашимъ высшимъ духовенствомъ, между которымъ были и ученые люди. «Ты инокъ смиренный, тихій и немногословный, сказалъ онъ тому, который сочинялъ челобитную:—не станеть тебя на такое великое дѣло!» Но тотъ и не думалъ робѣть; онъ отвѣтилъ Хованскому текстомъ: «Не пецытесь, како или что возглаголите; не вы убо будете глаголющіе, но духъ Отца вашего, глаголай вами.» Хованскій ничего не нашелъ возражать противъ этого, и обѣщалъ постараться

Черезъ нѣсколько времени онъ ввелъ нѣсколькихъ раскольничьихъ учителей къ патріарху; но тотъ отказался разсуждать съ ними о церковныхъ дѣлахъ, говоря, что это не ихъ дѣло. Разумѣется, они приняли это за неувѣренность патріарха въ себѣ или своемъ дѣлѣ, и проповѣди ихъ сдѣлались еще настойчивѣе; огромныя толпы народа собирались ихъ слушать. Это былъ совершенный соблазнъ. Уступить раскольникамъ, войти съ ними въ публичное преніе считали не безопаснымъ; разгонять ихъ силою тоже боялись, потому что между ними было много стрѣльцовъ, да и Хованскій горячо за

нихъ стоялъ. Злобилась на него и царевна и ея ближайшіе совѣтники, но ничего не могли сдѣлать, и не знали что придумать. 5-го іюля густыя толпы раскольниковъ нахлынули въ Кремль: впереди шли ихъ учителя съ книгами, образами, налоями, зажженными свѣчами, распѣвая гнусливыми голосами духовные гимны, между тѣмъ какъ у многихъ были за пазухою каменья. Они наполнили площадку передъ Грановитою палатой; разложили свои налои, развернули книги, разставили образа, объявили, что не уйдутъ, пока не будетъ имъ дозволено преніе съ патріархомъ. Нечего было дѣлать, надо было согласиться; только царевна не рѣшилась отпустить патріарха на площадь, гдѣ онъ въ самомъ дѣлѣ могъ подвергнуться опасности, а приказала ввести раскольниковыхъ грамотѣевъ въ Грановитую палату. Хованскій вышелъ объявить это; ересіархи были озадачены: они чувствовали себя сильными только на народѣ, и боялись, что во дворцѣ ихъ схватятъ и безъ долгихъ справокъ отрубятъ головы, либо сошлютъ въ дальніе монастыри. Но Хованскій увѣрилъ ихъ, что имъ нечего бояться. «Идемъ» воскликнулъ самый рѣшительный изъ нихъ, попъ-разстрига, Никита, и смѣло пошелъ на Красное крыльцо. За нимъ пошли и другіе грамотѣи и выборные отъ стрѣльцовъ и наконецъ многіе изъ числа пришедшаго съ нимъ народа.

Царевна Софія съ нѣсколькими особами изъ царскаго дома вступила въ палату и преніе открылось. Патріархъ приказалъ принести множество старинныхъ греческихъ и другіхъ книгъ, началъ было объяснять, доказывать, подбирать тексты; но раскольники вовсе не затѣмъ

пришли и нисколько не были расположены слушать поученія. «Мы пришли не о грамматикѣ съ тобой толковать! воскликнулъ ярый Никита: — ты отвѣчай на мои вопросы!» Іоакимъ былъ старикъ не очень ученый; архіепископъ холмогорскій, Аѳонасій, хотѣлъ поддерживать его и началъ было говорить; но Никита кинулся на него, схватилъ за бороду и вырвалъ изъ нея клочъ волосъ. Выборные стрѣльцы едва могли оттащить отъ него этого бѣшеннаго фанатика. Вотъ каково было это ученое преніе! Царевна тотчасъ же хотѣла его прекратить, но ее упростили еще потерпѣть нѣсколько. Это оказалось совершенно бесполезнымъ. Архіереи приводили одни тексты, раскольники — другіе и никто не вымолвилъ того слова, на которомъ сходятся всѣ вѣроисповѣданія и секты христіанскія, — слова любви и примиренія!

Звонъ къ вечернѣ прекратилъ это бесполезное «словъ претыканье»; царевна вышла изъ Грановитой палаты; за нею духовенство прошло въ покои патріарха, а Никонъ и его братія, выйдя на Красное крыльцо, закричали народу: «побѣдили, побѣдили! По нашему молитесь, по нашему вѣруйте!» Слыша эти крики, народъ, который съ безпокойствомъ ожидалъ чѣмъ кончатся разсужденія патріарха съ раскольниками, разумѣется, смутился, а раскольники громкими криками выражали свое торжество.

Однакожь царевна рѣшилась положить этому конецъ; она потребовала къ себѣ стрѣleckихъ выборныхъ и сказала, чтобъ они выбирали между ею и нѣсколькими безпокойными лжеучителями; они отвѣчали, что за нее готовы положить головы и обнадежили, что и прочіе стрѣльцы ее не выдадутъ. Царевна поблагодарила ихъ и

приказала переловить главнѣйшихъ изъ учителей раскола, что и было немедленно сдѣлано. Никитѣ отсѣкли голову, а прочихъ разослали по отдаленнымъ монастырямъ.

Царевну вообще похваляли за это; и точно, она избавила Москву отъ безпрестанныхъ безпокойствъ и страховъ, да Никита и въ самомъ дѣлѣ былъ отчаянный изувѣръ. Можно прибавить и то, что въ прежнія времена подобныя расправы были не рѣдкость, и едва ли кому изъ современниковъ царевны пришло на мысль, что топоромъ не научишь ни правильно рассуждать, ни вѣровать, и что если бы священники научали свои паствы словомъ и дѣломъ, то старовѣрство и само лопнуло бы, какъ мыльный пузырь.

Раскольники либо разбѣжались изъ Москвы, либо попритихнули; только Хованскій одинъ не унимался. Онъ поссорился съ своими бывшими друзьями, съ Голицынымъ, съ Милославскимъ; не скрывалъ своей досады и на самую царевну: такъ сильно онъ надѣялся на поддержку стрѣльцовъ. За то же онъ ничего и не щадилъ, чтобъ пріобрѣсть ихъ расположеніе. Для нихъ, особенно для московскихъ стрѣльцовъ, ни въ чемъ не было у него отказа. Нѣкоторымъ изъ московскихъ полковъ слѣдовало отправляться на службу, на украинскую границу; но имъ этого не хотѣлось, и полки эти продолжали оставаться въ Москвѣ. Стоило только стрѣльцу пожаловаться на своего начальника, его выдавали на истязаніе, на *правезжъ* (*). Стоило объявить претензію въ

*) Правежемъ называлось усиленное добываніе, выправленіе долаг

недоданномъ жалованьѣ за какіе ниаудъ прежніе годы, Хованскій черпалъ изъ казны, не справляясь долго, справедлива ли эта претензія, и если въ царской думѣ встрѣчалъ хоть малѣйшее сопротивленіе, то грозилъ новымъ возмущеніемъ, и выходя къ стрѣльцамъ, говорилъ: «дѣти, я ничего не могу для васъ сдѣлать; бояре угрожаютъ и мнѣ самому; дѣлайте сами какъ знаете.»

Можно вообразить себѣ, что при такомъ управленіи, стрѣльцы сдѣлались для Москвы сущою бѣдою, Божиимъ наказаніемъ; завидя ихъ издали, всякій сторонился; женщины не осмѣливались выглянуть за ворота; это было совершенно, какъ татарское нашествіе. Можно вообразить также, что царевна жестоко раскаивалась въ томъ, что допустила такъ усилиться Хованскому, и искала только случая, чтобъ отъ него отдѣлаться; а между тѣмъ она его боялась, и не было человѣка сильнѣе его во всемъ государствѣ.

19 го августа храмовой праздникъ въ Донскомъ монастырѣ. Цари наши всегда строго соблюдали всѣ церковныя празднества, являлись на крестные ходы и т. п.; царевна же пользовалась подобными случаями, чтобъ показаться во всемъ величіи правительственной власти. И вдругъ распространился слухъ, что Хованскій замышляетъ истребить во время крестнаго хода въ этотъ день весь царскій домъ... Это былъ, конечно, пустой слухъ, потому что, какъ ни былъ силенъ Хованскій, очень сомнительно, чтобъ стрѣльцы рѣшились, даже и

съ неисправнаго платильщика: кредиторъ выводилъ его на площадь и билъ батогами, повторяя это ежедневно до уплаты.

по его приказанію, на такое дѣло: даже во время майскаго мятежа, когда страсти очень были взволнованы, ими не было сдѣлано никакого оскорбленія ни одному лицу царскаго семейства; они хвалились, напротивъ, что истребляютъ злодѣевъ царскихъ. Какъ бы то ни было, дворъ обнаружилъ большую тревогу: *походъ* въ Донской монастырь былъ отложенъ и все царское семейство поспѣшило оставить Москву, переѣзжая изъ одного подмосковнаго села въ другое.

2-го сентября, на другой день новаго (1683) года, на воротахъ Коломенскаго села, гдѣ находился тогда дворъ, было найдено письмо съ надписью: «вручить государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.» Царевнѣ подали это письмо; она его распечатала и приказала немедленно укладываться и готовиться въ путь: куда? никто не зналъ. Стали узнавать, развѣдывать, что это было за письмо такое: оказалось, что оно заключало извѣтъ объ огромномъ замыслѣ Хованскаго, который намѣревался будто бы истребить весь царскій домъ, кромѣ одной царевны Екатерины Алексѣевны, выдать ее за своего сына, Андрея, самъ хотѣлъ сдѣлаться царемъ, поставить въ патріархи кого нибудь «чтобъ старыя книги любилъ», перебить Черкасскихъ, Шереметевыхъ, Одоевскихъ, Милославскихъ и проч. Слушая это извѣстіе, люди здравомыслящіе протирали глаза и спрашивали себя, не во снѣ ли имъ грезится такая путаница?.. Что за Самсонъ такой этотъ Хованскій, чтобъ перевернуть все государство вверхъ дномъ, передѣлать правительство, переимѣнить Церковь?.. Или онъ съ ума сошелъ, или это письмо нелѣпая выдумка. Такъ думали люди здравомыслящіе; люди попроще били трево-

гу и кричали, что настала ихъ послѣдній часъ, а такихъ всегда бываетъ очень много; самые же тонкіе политики молчали, разумѣя, что это ничто иное, какъ интриги противъ Хованскаго.

Дворъ переѣхалъ въ Звенигородскій, а потомъ въ Троицкій монастырь. Оттуда царевна, отъ имени Царей, разослала грамоты по всѣмъ городамъ, чтобъ дворяне и всякихъ чиновъ ратные люди спѣшили къ Москвѣ на защиту царскаго дома и православной вѣры противъ замысловъ Хованскаго... Глубокая интрига противъ Хованскаго начинала какъ видно раскрываться! Одинъ только онъ самъ не замѣчалъ и не видѣлъ ничего: такіе люди, какъ онъ, занятые однимъ собою, ничего кромѣ себя никогда не видятъ!... И слѣпота Хованскаго была такъ велика, что онъ самъ отдался въ руки своихъ враговъ, которымъ бы иначе, можетъ быть, и трудно было его взять среди преданныхъ стрѣлковъ.

Вотъ какъ это случилось. Въ это время ѣхалъ въ Москву сынъ малороссійскаго гетмана съ большою свитою; Малороссія была тогда вновь присоединенная страна. Поэтому гетманскому сыну приготовляли парадный пріемъ. Пригласили и Хованскаго, какъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ, участвовать въ этомъ церемоніалѣ, и что же? онъ такъ былъ простъ, что не колеблясь выѣхалъ изъ Москвы, когда со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ уже собиралось войско противъ него! Эта доверчивость доказываетъ однакоже съ другой стороны, что онъ вовсе не имѣлъ тѣхъ фантастическихъ замысловъ, которые ему приписывали: теперь уже дѣлалось очевиднымъ всякому, что всѣ эти подметныя

письм аи исторія о всеобщемъ избіеніи—больше ничего, какъ сѣти, раскинутыя для погубленія Хованскаго.

И такъ, онъ выѣхалъ изъ Москвы. Ёхалъ онъ съ пышностію, которою всегда любилъ себя окружать; нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ сопровождало его. Проѣхавъ верстъ двадцать по троицкой дорогѣ, онъ велѣлъ разбить шатры и расположился на ночлегъ. Между тѣмъ о выѣздѣ его изъ Москвы немедленно дали знать царевнѣ. Она никакъ не могла ожидать такого легкаго успѣха. Тотчасъ призвала она къ себѣ князя Лыкова, приказала ему взять съ собою нужное число людей, безъ шума идти на встрѣчу Хованскому, развѣдывая о немъ на каждомъ шагу, окружить его и взять добромъ или силою. Лыковъ исполнилъ все это въ точности: незамѣтно приблизился къ табору князя и объявилъ ему плѣнъ именемъ царевны, къ которой немедленно подъ крѣпкимъ карауломъ и отправилъ его. Точно также былъ взятъ и старшій его сынъ, Андрей, ѣхавшій другою дорогою.

17-го сентября, въ самый день именинъ царевны, Хованскіе и захваченные вмѣстѣ съ ними ихъ приверженцы были привезены въ село Воздвиженское, гдѣ тогда находился дворъ. Старый князь былъ приговоренъ къ отсѣченію головы, исполненіемъ этого такъ торопились, что нехотѣли дожидаться прибытія палача изъ Москвы, и обязанность эту заставили исполнить какого-то стрѣльца Стремяннаго полка. Хованскихъ вывели, прочли имъ приговоръ; сначала князь Иванъ долженъ былъ положить голову на плаху; потомъ подошелъ Андрей, поцѣловалъ трупъ отца своего и тоже склонилъ голову; послѣ нихъ казнены взятые съ ними

преданные имъ стрѣльцы... Это былъ второй уже при правительницѣ случай казни безъ суда, безъ разбирательства. Намъ еще много встрѣтится подобныхъ случаевъ: понятіе о правѣ и законности вырабатывается медленно, особенно въ такъ называемыхъ политическихъ преступленіяхъ и только въ весьма недавнее время стали понимать, что всякому безъ исключенія обвиняемому слѣдуетъ дать всевозможные способы къ оправданію. — Объ этомъ никто еще не думалъ 200 лѣтъ тому назадъ. большею частію одобряли правительницу, хвалили ея энергію, справедливо порицали Хованскаго и безъ сомнѣнія еслибы онъ побѣдилъ, Милославскому пришлось бы класть голову на плаху!

III.

Мятежъ стрѣльцовъ. — ПАТРИАРХЪ дѣлается посредникомъ между дворомъ и ими. — Стрѣльцы приносятъ повинную. — Рѣчь къ нимъ царевны. — Въ стрѣлецкій приказъ назначается Шакловитый. — Москва успокоивается. — Польша предлагаетъ намъ союзъ противъ Турокъ. — Какія выгоды обѣщаль этотъ союзъ и овладѣніе Черноморскимъ берегомъ. — Старинные споры наши съ Польшею за Малороссію, за Смоленскую и Сѣверскую земли и проч. — Днѣпръ устанавливается границею нашей съ Польшею; но другіе споры продолжаются. — Голицынъ прекращаетъ споръ къ выгодѣ Россіи. — Договоръ 1686 г. — Царевна именуетъ себя Самодержицею.

Второй сынъ князя Хованскаго былъ стольникомъ при Царѣ Петрѣ и находился съ нимъ въ походъ по мона-

стырямъ; въ ночь, послѣдовавшую за казнію его отца и брата, онъ тайно ускакалъ въ Москву, къ стрѣльцамъ, и объявилъ имъ, какая участь постигла ихъ «батюшку». «Убили его, говорилъ онъ, бояре безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго. Переведутъ они и васъ. Посмотрите, со всѣхъ сторонъ идутъ къ Москвѣ ратные люди въ несмѣтномъ числѣ!» Стрѣльцы остервенились; ударили въ набатъ, схватили оружіе, кинулись къ пушечному двору, достали тамъ пушки и пороху. Одни хотѣли защищаться въ Москвѣ; другіе кричали: «пойдемъ на бояръ!» И всѣ они толпились на площадяхъ, бѣгали по улицамъ, гремѣли оружіемъ! Въ это время въѣзжалъ въ Москву царскій гонецъ съ грамотою о казни Хованскаго; стрѣльцы его схватили, съ толчками и угрозами привели къ патріарху, гдѣ грамота и была имъ прочитана.

Если бы въ это время къ Москвѣ приблизилось царское войско, не мудрено, что произошло бы кровопролитіе; по счастію, царевна этого умѣла избѣгнуть; отряды земской рати со всѣхъ сторонъ остановлены были въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, такъ, что до боя дойти дѣло не могло, а между тѣмъ стрѣльцы должны были видѣть, что защищаться имъ, а тѣмъ болѣе «идти на бояръ» не возможно. По этому волненіе стрѣльцовъ нѣсколько успокоилась; между тѣмъ отъ Царей прислана была грамота, которою имъ обѣщалось полное прощеніе, если они положатъ оружіе и пришлютъ выборныхъ съ повинною. Люди, которые были поспокойнѣе и поразсудительнѣе, совѣтывали покориться; но много еще было горячихъ головъ, которыя не хотѣли о томъ и слышать. Патріархъ принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе; онъ успокаивалъ тѣхъ, которые боялись жестокаго наказанія, уго-

варивалъ тѣхъ, которые сопротивлялись, указывалъ на сильную рать, которая окружала Москву, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ, добился того, что стрѣльцы рѣшились послать своихъ выборныхъ въ Троицкую лавру, куда между тѣмъ переѣхалъ дворъ.

25-го сентября, стало быть черезъ недѣлю послѣ казни Хованскаго, эти выборные отправились. Очень многіе изъ нихъ еще боялись, что обѣщанное имъ прощеніе—ловушка, и думали, что имъ не воротиться живыми; съ горькими слезами прощались они съ своими семействами, жены и дѣти ихъ громко рыдали; они пошли съ веревками на шеѣ, волоча съ собою плахи, въ знакъ смиренія. Боязнь ихъ была однакоже совершенно напрасная; ихъ впустили на монастырскій дворъ; царевна вышла къ нимъ и сказала: «Люди Божіи, какъ не боялись вы Бога, поднимаясь противъ государей, противъ царскаго дома и сингклита? Развѣ забыли вы ваше крестное цѣлованіе?» Потомъ она сказала имъ, что, ради ихъ раскаянія, она прощаетъ и отпускаетъ ихъ съ миромъ, приказывая только возвратить забранныя ими пушки и порохъ. Тогда только стрѣльцы повѣрили, что головы ихъ останутся у нихъ на плечахъ.

Царевна при этомъ случаѣ въ первый еще разъ говорила публично и показывалась народу одна, безъ братьевъ, окруженная царскою пышностію, сопровождаемая толпою царедворцевъ; одежда ея блестѣла золотомъ, жемчугомъ, разноцвѣтными камнями, на плечи ея была наброшена алая бархатная шуба, подбитая горностаемъ; молодое, прекрасное ея лицо сіяло величіемъ и разумомъ; свѣтлорусые волосы были подобраны подъ золотую шапочку, похожую на корону: видъ ея

напоминалъ изображенія греческихъ императрицъ. Такою изображена она на одномъ изъ сохранившихся ея портретовъ, который находится въ Зимнемъ дворцѣ.

Москва успокоилась; стрѣльцы въ точности исполнили приказаніе царевны; желая еще болѣе очиститься въ ея глазахъ, они сваливали всю вину на молодаго Хованскаго и отправили его въ лавру; тамъ объявлена ему была смертная казнь, но правительница не хотѣла и каплею крови запятнать свое торжество; онъ былъ прощенъ; довольно казней! Кровь гражданина должна проливаться какъ можно рѣже. Въ то время впрочемъ рѣдко рассуждали такимъ образомъ и не долго задумывались отрубить человѣческую голову. Не обошлось безъ нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ и послѣ настоящаго случая, потому что стрѣльцы отъ времени до времени пробовали волноваться; но начальникомъ имъ былъ поставленъ Шакловитый, человѣкъ рѣшительный и преданный царевнѣ, который умѣлъ мало по малу завести порядокъ. Впрочемъ вообще замѣтить надобно, что казни были не часты во время правленія Софій Алексѣевны; она не щадила только тѣхъ, кто угрожалъ ея власти.

Цари и все царское семейство возвратились въ Москву въ ноябрѣ; вслѣдъ затѣмъ была распущена земская рать.

Меньшой Царь, по прежнему отправился въ Преображенское съ вдовствующею царицей, своими дядьками и приближенными, и рѣдко, только по большимъ праздникамъ, пріѣзжалъ въ Москву, чтобъ участвовать въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ; въ управленіе же государствомъ онъ, разумѣется, имѣя десять лѣтъ отъ роду, не могъ входить. Не болѣе его входилъ въ него и Іоаннъ,

такъ что все правленіе, вся власть была въ рукахъ царевны. Москва мало по малу успокоилась и забыла недавнія волненія; въ государствѣ по прежнему было тихо.

Но въ сосѣднихъ земляхъ въ это время собиралась военная гроза. Турки, которые полтораста лѣтъ тому назадъ, были еще народомъ воинственнымъ и страшнымъ всей восточной Европѣ, вторгнулись въ Венгрію, проникли до Вѣны и осадили ее. Императоръ германскій поспѣшно оставилъ свою столицу и потребовалъ помощи у германскихъ князей и другихъ своихъ союзниковъ. Храбрый король польскій, Янъ Собіесскій, первымъ явился на помощь Вѣны, смѣло кинулся съ своими Поляками на турокъ и заставилъ ихъ снять осаду; между тѣмъ собрались германскія войска, прибылъ императоръ, и Турки, уже не въ состояніи будучи держаться противъ всѣхъ этихъ соединенныхъ силъ, побѣжали къ своимъ границамъ; побѣдители, воспламененные успѣхами, не только рѣшились ихъ преслѣдовать, хотя бы до самаго Константинополя, но и задумали вовсе изгнать ихъ изъ Европы.

Они понимали однакоже, что для этого имъ нужно соединить какъ можно болѣе войскъ, и потому они обратились ко многимъ сосѣднимъ государямъ, прося ихъ принять участіе въ дѣлѣ, священномъ для всего христіанства. Папа благословилъ ихъ на это дѣло; Венеціанская республика вызывалась помогать имъ своимъ флотомъ. Король Янъ пригласилъ и насъ принять участіе въ этой войнѣ.

Это было въ началѣ 1683 года; стрѣleckое волненіе только что тогда затихло, и безразсудно было бы, не имѣя полной безопасности дома, пуститься въ отдаленные походы. Но предложеніе было заманчиво. Поляки, Нѣм-

цы, Венеціанцы тѣснили Турцію со всѣхъ сторонъ; Крымскіе Татары, которые были данниками Султана, не могли слѣдовательно надѣяться на его помощь, и если бы мы начали съ ними въ это время войну, то казалось, что на успѣхъ можно было надѣяться; одолѣть же этихъ стародавнихъ нашихъ враговъ, потомковъ Батыя и Чингиса, выгнать ихъ изъ Крымскаго полуострова, было бы дѣломъ славнымъ и истинно полезнымъ, потому что лучшая часть Россіи, области курская, орловская, нынѣшняя воронежская губернія, постоянно тревожимы были Татарами; города въ нихъ не успѣвали отстраиваться, поля почти ежегодно были притаптываемы татарскими конями, жители уводимы въ плѣнъ. При томъ достигнуть до Чернаго моря, утвердиться на его берегахъ, значило открыть Россіи возможность начать торговлю, завести корабли, безъ чего ни одно государство никогда не благоденствовало. Русскіе цари начиная съ Іоанна Грознаго, въ разное время старались пробиться къ Балтійскому морю и вели съ этою цѣлью долгія войны съ Ливонскими рыцарями, Поляками и Шведами. Теперь открывался случай добыть море, хотя, правда и не такое торговое и оживленное, какъ Балтійское, но все же море; какъ было не призадуматься слѣдовательно надъ предложеніемъ польскаго короля!

Между тѣмъ онъ продолжалъ объ этомъ переписку, и даже съ большою настойчивостью; ему хотѣлось, во что бы ни стало, разрушить Турецкое государство, и для этого онъ былъ готовъ на многія жертвы, ласкался къ нашимъ Царямъ, избѣгалъ всякихъ пограничныхъ споровъ, которые не рѣдки между сосѣдями. Императоръ германскій, считавшійся старѣйшимъ между европейскими госу-

дарями, преемникъ римскихъ кесарей, заискивалъ въ насъ, прислалъ въ Москву пословъ; турецкій султанъ съ своей стороны всячески старался намъ угождать, и, въ слѣдствіе нашей жалобы на крымскаго хана, поспѣшилъ его смѣнить. Такъ важнымъ считали обѣ воюющія стороны участіе Россіи въ этой войнѣ.

Сношеніями съ иноземными государствами завѣдывалъ въ это время любимецъ царевны, Голицынъ, съ которымъ мы уже нѣсколько знакомы; онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался такимъ положеніемъ Россіи; дѣлалъ видъ, что предложенія польскаго короля не представляютъ намъ никакихъ выгодъ, и давалъ чувствовать, что начать съ нимъ за одно войну мы не можемъ иначе, какъ окончивши тѣ споры, которые начались еще въ прежнія царствованія.

Надо знать, что еще со времени Царя Михаила у насъ не было прочнаго мира съ Польшею, а только перемирія. По условіямъ этихъ перемирій пограничныя области, то есть нынѣшнія губерніи смоленская, витебская, частію черниговская и моголевская переходили изъ рукъ въ руки, отъ Россіи къ Польшѣ и обратно; были постоянные споры и за Малороссію: съ того времени, какъ Богданъ Хмельницкій отдался Россіи, мы считали, что имѣемъ право на всю землю, которая населена южно-русскимъ народомъ, то есть какъ на три теперешнія малороссійскія губерніи, лежащія по лѣвую сторону Днѣпра, такъ и на Волынь и Подолію; Поляки съ своей стороны не хотѣли уступать этихъ земель. Мало по малу теченіе Днѣпра и Западной Двины обозначилось границами обоихъ государствъ, но споръ еще не прекращался, во первыхъ, за города, лежащіе на переволокѣ между этими

двумя рѣками и на ихъ верховьяхъ—за Невель, Себежъ и Велижъ, — и за Кіевъ, который Россія очень желала пріобрѣсть, какъ старинную столицу нашего государства и колыбель ея христіанства. По послѣднему перемирію, заключенному при Царѣ Θεодорѣ, города двинско-днѣпровскаго переволока оставлены были за Польшею, а Кіевъ за Россіею, послѣдній только на два года; однако, хотя эти два года давно уже прошли, но мы все еще удерживали Кіевъ подъ разными предлогами.

Теперь представлялся благопріятный случай рѣшить этотъ давній споръ выгоднымъ для Россіи образомъ.

Въ 1686 году король польскій прислалъ въ Москву большое посольство для заключенія окончательнаго мира и союза противъ Турціи. Голицынъ началъ съ того, что предъявилъ требованія на всѣ названные города и земли. Поляки заспорили; грозили прекратить переговоры и оставить Москву; но мало по малу стали уступать и, наконецъ, послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ почти ежедневныхъ споровъ, миръ былъ заключенъ; Велижъ, Полоцкъ, Сѣбежъ навсегда отходили къ Россіи, Кіевъ утверждался за нею на вѣчныя времена вмѣстѣ съ Малороссіею лѣваго берега Днѣпра, — наконецъ Запорожью (*) положено было состоять подъ державою обоихъ государей. Россія съ своей стороны обязывалась уплатить Польшѣ 146000 руб., объявить войну Турціи и начать ее нападеніемъ на Крымъ; заключая этотъ трактатъ, Рос-

(*) Запорожье, страна лежащая за порогами днѣпровскими; тамъ жили выходцы изъ числа украинскихъ жителей, самые отчаянные головорѣзы, опасные Турціи, Крыму, Польшѣ и иногда Россіи. Мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ подробнѣе.

сія вступила въ союзъ съ римскою (германскою) или царскою имперіею и венеціанскою республикой, при чемъ всѣ союзныя государства уговорились мира не заключать отдѣльно, безъ союзниковъ.

Тяжело было польскимъ посламъ согласиться на всѣ эти уступки, не выговоривши для своего отечества ни малѣйшихъ выгодъ. Король Янъ со слезами подписалъ этотъ трактатъ; за то царевна съ гордостью и веселіемъ поспѣшила повѣстить о немъ всей Россіи. «Никогда еще, писала она, при предкахъ нашихъ, Россія не заключала такого выгоднаго и славнаго договора... Преименитая держава російскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра.» Дѣйствительно въ такія обширныя дипломатическія связи никогда еще Россія передъ тѣмъ не вступала, а кромѣ того она пріобрѣтала трактатомъ 1686 года возможность имѣть огромное вліяніе на Польшу. Можетъ быть сами подписывавшіе этотъ трактатъ не предвидѣли всего значенія, которое можно было придать одной статьѣ этого трактата, — именно той, которою Россія выговорила для своихъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ польскаго королевства свободу богослуженія и зависимость тамошняго православнаго духовенства отъ митрополита жившаго въ Кіевѣ, который теперь отходилъ на вѣки къ Россіи. Духовенство православныхъ церквей, при всякомъ насиліи, наносимомъ Поляками, доносило своему верховному пастырю, кіевскому митрополиту, а тотъ — Московскому правительству и дипломатическая переписка началась по поводу такихъ происшествій, которыя прежде не вызывали ничего кромѣ безмолвныхъ слезъ со стороны пострадавшихъ. Послѣ 1686 года, напротивъ иногда случилось, что представленія Русскаго двора доставляли удовлетво-

реніе обиженнымъ, а это разумѣется увеличивало расположеніе западнорусскаго народа къ Москвѣ, приучало ихъ смотрѣть на нее какъ на единственную свою заступницу и ожидать отъ нея своего освобожденія.

Мы увидимъ какъ эти послѣдствія Московскаго договора съ теченіемъ времени развивались, а между тѣмъ замѣтимъ здѣсь, что такъ какъ всѣ переговоры съ польскими послами были ведены любимцемъ царевны, то она щедро наградила и его, и всѣхъ другихъ участниковъ этого славнаго дѣла; сама же въ указѣ, возвѣщавшемъ о мирѣ, впервые назвала себя «благовѣрною Государынею, Царевною и Самодержицею».

IV.

Какой видъ представляло Московское государство въ XVII вѣкѣ? Церкви и монастыри, господскія усадьбы и крестьянскія деревни. — Рѣдкость народонаселенія; слабость промышленности и торговли; плохое состояніе дорогъ и вообще сообщеній; небезопасность ихъ. — Образъ жизни нашихъ предковъ: ихъ домобдство; нелюбовь къ войнѣ сравнительно съ войнолюбіемъ западныхъ европейцевъ. — Военная сила Россіи: земская рать, стрѣleckіе, солдатскіе и другіе полки. — Приготовленія къ походу въ Крымъ. — Сборъ рати на южной Украинѣ. — Походъ (1687). — Пожаръ степи. — Обратное движеніе. — Слухъ объ измѣнѣ гетмана Самойловича.

До сихъ поръ мы не оставляли Москвы; пора намъ оставить ея высокій Кремль, кривыя улицы и грязные переулки, и посмотрѣть, что дѣлается въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Вездѣ просторъ; вездѣ раздолье полей, — мѣстами заѣяныя нивы; но пустырей, луговъ и лѣсовъ гораздо болѣе. Вдоль большихъ дорогъ, разбѣгающихся отъ Москвы въ разныя стороны, — Можайки, Каширки, Владимирки и другихъ, — по берегамъ Москвы — рѣки и Оки разбросаны монастыри, одинокія церкви, деревушки, большія и малыя усадьбы. Многія изъ нихъ существуютъ и теперь; большая часть церквей уцѣлѣли и устояли и до сихъ поръ; но всѣ эти прекрасные дома, эти готическіе замки, эти итальянскія виллы, эти просторные хоромы съ высокими крышами, колоннами и львами на крыльцѣ, которыя мы такъ часто можемъ видѣть въ окрестностяхъ Москвы, эти зеленѣющіе парки, эти темныя аллеи и узорчатые цвѣтники, — все это уже создано въ ближайшія къ намъ времена. Предки наши, даже богатые и знатные, до половины прошедшаго вѣка, довольствовались небольшими деревянными хоромами, держась пословицы: «не красна изба углами, а красна пирогами»; въ одномъ изъ царскихъ подмосковныхъ селъ, Измайловскомъ, гдѣ провелъ Петръ часть своего дѣтства, домъ былъ маленькій, деревянный, одноэтажный, и отъ времени почти вросшій въ землю. Садами тоже наши предки не занимались; разводить цвѣты началъ только Царь Θεодоръ, а за нимъ, разумѣется, и нѣкоторые изъ его придворныхъ. Не заботясь о томъ, чтобъ украшать жизнь, русскіе XVII вѣка сажали только фруктовыя деревья, да разводили огороды; понятіе о садѣ и огородѣ сливалось въ понятіяхъ нашихъ предковъ, такъ что для того и другаго понятія существовало одно только названіе — огородъ.

Такимъ образомъ старинная господская усадьба пред-

ставляла слѣдующій видъ: небольшой бревенчатый домъ на возвышенномъ мѣстѣ; если владѣлецъ усадьбы былъ человѣкъ зажиточный, то въ двухъ шагахъ отъ его хормъ была непременно церковь; кругомъ дома, въ безпорядкѣ, были жилья челядинцевъ, клетки и клетушки, амбары, конные и скотные дворы, гумна и огородъ съ яблонями, грушами, вишнякомъ, малиною, капустою, горохомъ, свеклою и пр.; далѣе избы заворныхъ крестьянъ. Что касается до небогатыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, до дѣтей боярскихъ и мелкихъ дворянъ, то они жили въ бѣдныхъ хуторкахъ, въ домахъ, мало чѣмъ отличавшихся отъ крестьянскихъ избъ, крытыхъ, также какъ онѣ, соломой и даже едва ли иногда не курныхъ, — такъ по крайней мѣрѣ можно думать по коротенькому извѣстію, сообщаемому однимъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Наконецъ, жилья крестьянъ, общій видъ деревни былъ тотъ же самый, какъ и теперь.

Каждая изъ этихъ усадебъ, даже самая незначительная, могла бы, повидимому, доставлять ея владѣльцу безбѣдное существованіе, потому что вездѣ было земли, воды и лѣсу въ изобиліи; да и въ самомъ дѣлѣ, недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни у владѣльцевъ, даже самыхъ небогатыхъ, не было; амбары, даже въ самыхъ маленькихъ имѣніяхъ, были наполнены хлѣбомъ, скотные и птичьи дворы могли доставлять изобильную и разнообразную пищу: лѣса были наполнены дичью; во многихъ мѣстахъ были пасѣки; изъ домашней шерсти ткалось сукно, изъ домашняго льна — холстъ. Но это-то самое обстоятельство, — что почти у всѣхъ было все свое домашнее, — и налагало на всю старинную Русь

ту печать мертвенности и неподвижности, которая пора-
жала писавшихъ о ней иностранцевъ.

Человѣку свойственно жить въ обществѣ людей; ему
нужно видѣть себѣ подобныхъ, говорить съ ними, об-
мѣниваться взаимными услугами, совокуплять свои силы,
чтобъ достигать общаго благосостоянія. Образованные
народы къ этому стремятся, потому что понимаютъ свою
пользу, но народы необразованные болѣе всего побуж-
даются нуждою, — а нашихъ предковъ нужда не побуж-
дала покидать свои усадьбы. И они сидѣли въ нихъ без-
выходно, сколько было возможно. Что же отъ этого
происходило? То, что у насъ почти никакой промыш-
ленности не было, а слѣдовательно не было никакой тор-
говли: всякій старался производить лишь столько, сколь-
ко было ему нужно для себя и своего семейства, и не
думалъ что-нибудь продать или обмѣнять. Отъ этого, въ
свою очередь, никто не заботился, чтобъ дороги содер-
жались въ какой нибудь исправности; онѣ были напол-
нены рытвинами и ухабами; колеса то вязли въ песокѣ,
то тонули въ грязи; по самымъ только проѣзжимъ изъ
дорогъ топи были вымощены накатникомъ; но эти мос-
товья, которыя еще существуютъ кое-гдѣ, приводятъ те-
перь въ ужасъ проѣзжающихъ, принужденныхъ по нимъ
трястись; даже рѣки, — эти пути, созданные самою
природою, — и при томъ самыя значительныя, каковы
Ока и Волга, представляли для сообщенія весьма мало
удобствъ: Олеарій, иностранецъ, посѣтившій Россію въ
половинѣ XVII вѣка, пишетъ, что судно, на которомъ
онъ плылъ по Волгѣ, безпрестанно натыкалось то на
мели, то на карчи, или деревья, свалившіяся съ берега
въ рѣку. Но все еще плаванье по рѣкамъ считалось са-

мымъ удобнымъ способомъ путешествія ; что касается до сухопутныхъ дорогъ , то хотя по нѣкоторымъ изъ нихъ и были ямы (*) и движеніе слѣдовательно могло производиться безостановочно , но зато не существовало никакихъ пріютовъ , въ которыхъ измученный путешественникъ могъ бы дать отдыхъ своимъ разбитымъ бокамъ.

Впрочемъ предки наши были не изнѣженны и безъ особыхъ жалобъ переносили бы неудобство старинныхъ дорогъ ; но дороги эти были , сверхъ того , и не безопасны : лѣса новгородской и псковской губерній , муромскіе , брянскіе и другіе , пріобрѣли грозную , и доселѣ еще не забытую извѣстность въ этомъ отношеніи ; по Волгѣ , начиная съ Казани и до Астрахани , разѣзжали удалцы и грабили плывшія суда. Одинъ іезуитъ , посѣтившій Россію въ концѣ XVII вѣка , рассказываетъ свое странствованіе отъ Астрахани до Москвы : какихъ бѣдствій онъ не потерпѣлся ! Судно , на которомъ онъ плылъ , загорѣлось по неосторожности судовщиковъ ; добравшись койкакъ до берега , онъ едва не былъ захваченъ кочевыми Калмыками ; потомъ принужденъ былъ странствовать пѣшкомъ по слякоти и морозу , ночуя подъ открытымъ небомъ и питаясь кореньями... Что же , когда въ этихъ пустыняхъ путника застигала мятель?... При такихъ неудобствахъ сообщеній , удивительно ли , что движенія , не вызываемаго при томъ нуждою , почти вовсе не было по нашимъ дорогамъ , сухопутнымъ и рѣчнымъ. Олеарій , плывя отъ Москвы до Нижняго , встрѣтилъ ровно одну барку!

(*) Поселенія людей , занимающихся извозомъ.

И замѣтимъ, все, что выше говорено, относится къ самой населенной части тогдашней Руси. Что же надо сказать про мѣстности болѣе отдаленныя! Тамъ была почти пустыня: по дорогѣ въ Саратовъ, за Пензою начиналась голая степь не только безъ жилья, но на которой глазъ не находилъ даже дерева. Такая же степь разстилалась вѣдоль по всему сѣверо-западному берегу Каспійскаго моря, до нижнихъ частей Дона и Днѣпра, гдѣ бродили дикія орды кочевниковъ, а по другую сторону Волги и Камы до Уральскихъ горъ и Ледовитаго моря стояли непроходимые лѣса, убѣжище дикихъ звѣрей да раскольниковъ. Мы расскажем въ своемъ мѣстѣ, по какимъ причинамъ эти послѣдніе уходили въ глухіе лѣса сѣверной Россіи, а теперь возвратимся къ наиболее люднымъ мѣстамъ Россіи.

И тамъ, какъ уже сказано, было довольно пустынно; одинъ путешественникъ рассказываетъ, на примѣръ, что отъ Москвы до Вязьмы, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ, онъ проѣзжалъ только чрезъ одно селеніе. Эти дальнія разстоянія между жильями, эти дурныя, а нерѣдко и небезопасныя дороги были, какъ сказано, причиною того, что наши предки, безъ особой надобности, не охотно покидали свои жилища. Что же дѣлали они, сидя безвыходно дома? Довольно трудно рассказать, чѣмъ былъ наполненъ ихъ день; объ этомъ сохранилось мало извѣстій; но вотъ описаніе образа жизни Царя Θεодора Іоанновича, сдѣланное однимъ изъ самыхъ умныхъ иностранцевъ, бывшихъ въ Россіи, Англичаниномъ Флетчеромъ: Царь обыкновенно встаетъ въ 4 часа утра, пишетъ Флетчеръ: — и тотчасъ послѣ этого къ нему входитъ его духовникъ, благословляетъ его и вноситъ образъ

того святаго, который чествуется въ тотъ день. Царь молится съ четверть часа, по окончаніи чего опять входитъ духовникъ, и кропитъ святой водою какъ его, такъ и иконы, которыми уставлены стѣны и передъ которыми теплятся свѣчи и лампы. Послѣ того Царь идетъ въ покои царицы и вмѣстѣ съ нею слушаетъ заутреню; потомъ принимаетъ царедворцевъ и разговариваетъ съ ними. Часовъ въ 9 утра онъ слушаетъ обѣдню, потомъ обѣдаетъ, (и вѣроятно долго, потому что къ столу его подавали ежедневно до 70 блюдъ); послѣ обѣда отдыхаетъ часа три; вставши, идетъ къ вечернѣ, и наконецъ остальную часть дня, до ужина, проводитъ съ царицею, слушая пѣсни, глядя на кувырканыя карловъ и потѣшаясь островами шутовъ.

Таковъ былъ образъ жизни Царя Θεодора; конечно, онъ жилъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ временемъ, о которомъ здѣсь говорится; но въ домашнемъ быту нашихъ предковъ чувствительной перемѣны въ это время не произошло; правда и то, что образъ жизни Царя и образъ жизни частнаго человѣка — не одно и тоже; но все-таки по тому описанію, который здѣсь приведено, можно себѣ представить приблизительно, какъ проводилъ время старинный бояринъ и вообще зажиточный человѣкъ. Люди бѣдные, а тѣмъ болѣе крестьяне, должны были отдавать труду гороздо большую часть своего времени, но конечно каждый изъ нихъ, разбогатѣй онъ или сдѣлайся важнымъ человѣкомъ, сталъ бы жить точно также.

Неповоротливы были наши дѣды, сонливы, безпечны; въ этомъ надо сознаться. Иностранцы упрекали сверхъ того ихъ въ томъ, что они были невоинственны: это менѣе справедливо. Дѣло въ томъ, что они не понимали

этой страсти западныхъ европейцевъ — биться съ кѣмъ бы то ни было и за что бы то ни было, страсти, которая вовсе не въ природѣ челоуѣка и которая на западѣ была остаткомъ странствующаго рыцарства. Рыцарскихъ обычаевъ у насъ никогда не существовало, а потому наши предки не любили рѣзаться изъ одного удовольствія рѣзаться. Они переходили по льдинкамъ Волгу въ осеннюю пору, шли въ одиночку на медвѣдя, но не считали безчестнымъ, когда видѣли, что побѣда не можетъ быть на ихъ сторонѣ, — дать тыль передъ непріателемъ, точно также, какъ уходили отъ медвѣдя, если у нихъ не было въ рукахъ рогатины. Но это было несогласно съ понятіями, господствовавшими на западѣ, а потому западные европейцы безъ церемоніи надъ нами подсмѣивались и говорили, что мы «бѣгаемъ отъ непріателя какъ зайцы».

Справедливо то, что Русскіе не любили войны (да и за что же ее любить?) и что войско наше было плохо. Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о старинномъ нашемъ войскѣ, тѣмъ болѣе, что намъ скоро надо будетъ отправиться вслѣдъ за нимъ въ походъ противъ крымскихъ Татаръ.

Главная, т. е. многочисленнѣйшая военная сила наша состояла изъ *земской рати* или милиціи; по приказанію Царя и по объявленіи войны, каждый *помѣщикъ*, т. е. владѣтель даннаго ему правительствомъ имѣнія, *помѣстья*, долженъ былъ вооружаться и садиться на коня; кромѣ того съ имѣній, принадлежавшихъ церквамъ, монастырямъ и собственно Царю, набирались *даточные люди*. Тѣ и другіе были вовсе не воины по ремеслу, а, напротивъ, земледѣльцы, домосѣды; никому изъ нихъ не хотѣлось покидать своего дома, своего хозяйства, своей семьи, а по-

тому они кланялись воеводамъ, давали имъ подарки и слезно молили показать ихъ больными, калѣками или подъ какимъ нибудь предлогомъ уволить отъ ратной службы. Инымъ это удавалось, большей части, конечно, нѣтъ; а потому они хотя и являлись на сборное мѣсто, но ужь, разумѣется, хорошими воинами они не могли быть: они и шли неохотно, и владѣть оружіемъ не имѣли привычки и познаній военныхъ никакихъ не имѣли; ихъ душа и сердце были далеко — посреди кровной семьи да родимыхъ полей; до насъ дошли письма, которыя писали нѣкоторые изъ такихъ воиновъ-поневоля въ дома свои: о военныхъ дѣйствіяхъ, — ни слова, какъ о дѣлѣ для нихъ мало интересномъ, а только распоряженія по хозяйству, да поклоны роднымъ и сосѣдямъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ: личной злобы противъ людей, съ которыми шли сражаться, они не могли натурально, имѣть, а какія у правительствъ между собой расчеты — они не вѣдали; имъ было ясно только одно: что надо бросать семью и хозяйство, терпѣть нужду и голодъ, — не говоря уже объ опасности, — да платить лишнія подати на военныя издержки. Когда же непріятель вступалъ на родную землю, истреблялъ жатвы, жегъ города и селенія, осквернялъ храмы, бралъ въ неволю людъ православный, — тогда всякому становились ясно, что нужно прогнать незваныхъ гостей, и старый и малый вооружался, какъ это было въ 1812 году, во время нашествія Поляковъ, и въ 1812, во время нашествія Френцузовъ.

Кромѣ земской рати у насъ были стрѣльцы, уже знакомые намъ. Это были люди, которыхъ главное значеніе было — военная служба; всякій стрѣлецкій сынъ, достигнувъ совершеннолѣтія, дѣлался ратникомъ и оставался

имъ до глубокой старости. Стрѣльцы жили особыми слободами въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, занимая караулы, исправляя «всякую государеву службу» и постоянно занимаясь «воинскимъ артикуломъ». Конечно, и ихъ ничто не могло особенно привлекать изъ слободъ, гдѣ они жили семьями и занимались промыслами либо мелкою торговлею, на войну, цѣль и причины которой для нихъ, какъ и для всѣхъ, были неизвѣстны; но будучи вооружены не чѣмъ попало, какъ земскіе ратники, а саблями, бердышами и ружьями, будучи притомъ приучены обращаться съ оружіемъ и сохранять нѣкоторый порядокъ въ строю, — они представляли лучшую часть русскаго стариннаго войска; про дворянъ и дѣтей боярскихъ одинъ современникъ говоритъ: «только у нихъ строю, что сабли остры да аргамаки рѣзвы, а бьются кто лучшимъ, кто огненнымъ боемъ»; про стрѣльцовъ же и иностранцы пишутъ, что, не имѣя особой пылкости при атакѣ, они съ твердостью выдерживали нападеніе и съ ожесточеніемъ защищали городки и «острожки». То же самое въ отношеніи военныхъ качествъ можно сказать про полки солдатскіе, рейтарскіе, драгунскіе и гусарскіе, которые отъ стрѣлецкихъ отличались только одеждою да тѣмъ, что ими командовали по большей части полковники изъ иноземцевъ.

И такъ, вотъ какова была старинная русская военная сила.

Вслѣдствіе заключеннаго съ Польшею договора слѣдовало немедленно двинуть рать противъ Крыма; но это не такъ легко было сдѣлать: надо было прежде собрать ее, а на это требовалось много времени. Въ приказѣ «розряд-

номъ» (*), завѣдывавшемъ военными силами, закипѣла работа: стали разбирать, кого изъ числа всѣхъ «верстаныхъ окладомъ» (**), слѣдуетъ требовать на сборъ, кого можно оставить въ покоѣ; потомъ нужно было время, чтобъ разослать объ этомъ указы во всѣ отдаленные уголки Россіи; наконецъ надо было дать ратнымъ людѣ время изготавиться къ походу и прибыть на сборное мѣсто. На все это потребовалось почти годъ времени: сборъ былъ назначенъ къ 1 марта (1687) на украинской границѣ.

И вотъ во всѣхъ городахъ, наконецъ, получены царскіе указы; въ воеводскихъ канцеляріяхъ списываютъ съ нихъ копіи и рассылаютъ по селамъ и деревнямъ; на городскихъ площадяхъ приказные люди громко прочитываютъ ихъ по базарнымъ днямъ. Вѣсть о близкомъ походѣ проникла наконецъ во всѣ захолустья; вездѣ суета, вездѣ хлопоты; старыя фузеи и пистолы осматриваютъ и приводятъ въ исправность, коней ставятъ на зерно; дворяне назначаютъ, кому изъ челядинцовъ съ ними отправляться на государеву службу; въ дворцовыхъ и церковныхъ имѣніяхъ берутъ даточныхъ. Переднія избы воеводскихъ домовъ наполнены охотниками «остаться въ нѣтяхъ» (***), а по заднимъ крыльцамъ тащутъ «посулы» и «поклоны»: кто золотую цѣпь, кто кусокъ сукна или парчи, а кто является и съ домашними издѣліями, — медомъ, наливками или зерновымъ хлѣбомъ: воеводѣ, человѣку пріѣзже-

(*) Приказы въ старину были почти тоже, что теперь министерсва.

(**) Кто былъ верстанъ окладомъ, т. е. кому было дано помѣстье, или вообще „царское жалованье“, тотъ обязывался за это нести службу, какую и когда указано будетъ.

(***) Такъ говорили про людей, которые отпѣкивались отъ службы и оставались дома.

му, въ хозяйствѣ все пригодится, и не попусту же изъ Москвит отпускали людей на воеводство, чтобъ «покор- миться».

И вотъ, зима на исходѣ; срокъ отправляться въ походъ приближается; у людей зажиточныхъ сѣдлають коней, на- грузжаютъ подводы сушеною и соленою рыбою и мясомъ, толокномъ, крупами, виномъ: путь дальній, гостинницъ нѣтъ и не вездѣ же есть знакомцы, у которыхъ можно и от-дохнуть и сытно угоститься. Сборы бѣдняковъ короче: котомка за плечи и съ Богомъ, отъ селенія до селенія, въ надеждѣ на подачу «христа-ради».

Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ, дорогами и тропинками собираются ратные люди въ окрестности Ах-тырки, на границѣ нынѣшней харьковской губерніи; по прибытіи на мѣсто, подъячіе записываютъ ихъ имена, со-ставляютъ списки; воеводы распредѣляютъ ихъ по пол-камъ и ротамъ или сотнямъ, назначаютъ головъ, пятисо-тенныхъ и другихъ начальниковъ; прибываютъ и стрѣ-лецкіе и другіе *регулярные* полки; тяжело тащится «сна-рядъ» или артиллерія. Между земскими ратниками ока-зывается много «нѣтей»; въ стрѣлцкихъ и другихъ пол-кахъ много оставлено по городамъ больными; не взирая однакожь на все это, всего на сборномъ мѣстѣ набирает-ся 100 т. человѣкъ. Время уходитъ, надо пускаться въ путь; казаки, правда, еще не прибыли, но они дого-ятъ дальше, на дорогѣ.

И точно, пора выступить; почти три мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ къ походу. За эту медленность иные обвиняють главнаго воеводу, Голицына; ко, кажется, болѣе всѣхъ виновато здѣсь дурное устройство старин-ной нашей рати. Кромѣ того, если дворяне и дѣти бояр-

скіе принесли съ собою немного воинственнаго жару, то московскіе царедворцы явились въ армію съ придворными своими интригами и духомъ партій; надѣясь на поддержку у двора, они не только плохо повиновались распоряженіямъ главнокомандующаго, но своими происками возбуждали противъ него неудовольствіе въ войскѣ. Голицынъ съ горечью жаловался на это, но до него доходили слухи, что и въ Москвѣ есть цѣлая партія, которая втайнѣ противъ него работаетъ, что во главѣ ея находится патриархъ и что она находитъ сочувствіе въ младшемъ Царѣ, Петрѣ.

Широкою, открытою степью, но степью плодородною, двинулось наконецъ во второй половинѣ мая наше войско. Переходы были очень не велики и могли походить на прогулку посреди этихъ прекрасныхъ, изобильныхъ, хотя и весьма малолюдныхъ тогда мѣстъ, которыя орошаютъ рѣки Ворскла и Орель. На р. Самарѣ присоединились казаки, въ числѣ 50 тысячъ, подъ начальствомъ самаго гетмана, Ивана Самойловича; наконецъ около половины іюня многочисленная наша рать достигла рѣки, Конскія-воды.

Уже во время нѣсколькихъ послѣднихъ переходовъ можно было замѣтить на южной сторонѣ небосклона днемъ какія-то темныя, тяжелыя облака а ночью отдаленное блѣдное зарево; вѣтеръ приносилъ иногда оттуда горькій запахъ гари... Что это могло значить? Это — *горѣла степь...*

Въ степныхъ мѣстахъ Россіи и до сего еще времени нерѣдко крестьяне запаливаютъ осенью траву, которую не успѣли выкосить, вѣруя, что отъ этого на слѣдующій годъ дѣтства лучше уродится. Этотъ предрасудокъ

бываетъ причиною большихъ несчастій; вѣтеръ раздуваетъ пламя на необъятное пространство и иногда направляетъ его не только на стоги съ сѣномъ или хлѣбомъ, но на жилья, и цѣлыя деревни выгораютъ. Пожаръ степи истребляетъ все, что ему попадается на встрѣчу, изсушаетъ болотца и ручейки; стаи степныхъ птицъ съ крикомъ отъ него несутся, четвероногія бѣгутъ съ ужасомъ; отъ него нѣтъ пощады никому и ничему.

Какъ же было отваживаться на борьбу съ нимъ нашей арміи? Выждать пока онъ прекратится? можно было опасаться, что окажется не достатокъ въ провіантѣ; идти впередъ? лошади погибнуть отъ безкормицы, степные ручьи, и безъ того обыкновенно скудные, могутъ вовсе пересохнуть; пороховымъ ящикамъ угрожаютъ ежеминутные взрывы. Голицынъ собралъ военный совѣтъ. Спорили долго, но наконецъ рѣшили идти далѣе. Смущенная, угрюмая рать двинулась; но раскаленная почва жгла обувь, дымъ ѣлъ глаза; отошалаы лошади едва волочили сбозъ и орудія, «отъ пыли пожарной людямъ и конямъ, говоритъ одинъ современникъ, чинилась великая тягота». Такъ шли однакожъ нѣсколько дней; прошелъ сильный дождь; онъ охладилъ землю, но не возбудилъ растительности, не далъ корму, а между тѣмъ затруднилъ переправы черезъ ручьи и болота. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ оказалось, что провіанту недостаточно. Голицынъ опять собралъ совѣтъ и здѣсь уже положено было возвратится за Конскія-воды и ожидать новыхъ приказаній изъ Москвы.

Неудача была явная. Потери наши были, это правда, ничтожны: хорошіе кормы по сю сторону Конскихъ

водъ скоро поправили лошадей, люди тоже оправились и собрались съ силами, но воротиться безъ всякаго «промыслу», вовсе не выдавъ непріятеля, — если бы даже и не было непростительной ошибки касательно провіанта, — было все-таки такою неудачей, отъ которой Голицыну мудрено было бы очиститься. Онъ очень хорошо это зналъ и былъ увѣренъ, что враги его въ Москвѣ употребятъ всѣ мѣры, чтобъ его очернить... И вотъ, въ то самое время, когда его грызло безпокойство и преслѣдовали печальныя мысли, ему говорятъ, что неудача это есть дѣло измѣны, что степь подожжена, по приказанію Самойловича, казаками...

V.

Югозападная Русь. — Дворяне католики и хлопы-православные. — Казачество. — Запорожская Сѣчь. — Малороссійское казачье войско. — Возстаніе Русскихъ-православныхъ противъ Поляковъ-католиковъ. — Богданъ Хмельницкій. — Малороссія присоединяется къ Россіи. — Подтвержденіе Царемъ Алексѣемъ вольностей казачьихъ. — Взаимныя недоразумѣнія между нашимъ Правительствомъ и казаками. — Самойловичъ. — Мазепа. — Последний интригуетъ противъ перваго, и возбуждаютъ противъ него подозрѣніе въ измѣнѣ. — Доносъ казаковъ. — Низложеніе Самойловича. — Избраніе Мазепы въ Гетманы.

Мы уже знаемъ, что сѣверная и южная украины или оконечности московскаго государства были почти безплодныя пустынные мѣста. Къ сѣверу заонежье и заволжье, съ рѣдко разсѣянными финскими племенами; по

нижней Волгѣ и каспійскому побережью, и потомъ дальше на югъ, вдоль сѣвернаго берега Азовскаго и Чернаго морей, — открытыя, безводныя, безлѣсныя, хотя мѣстами и плодоносныя степи, по которымъ бродили кочевые Калмыки, Ногайцы, дикіе, но не очень опасные народцы и отважныя шайки крымскихъ Татаръ.

Во времена тяжелыя для Россіи, во времена ига монгольскаго и страшной веурядицы удѣльныхъ князей, народъ бросалъ свои дома и расходился во всѣ стороны, — и вотъ мрачныя лѣса заонежскаго и печерскаго края, берега отдаленнаго Терека, низовья Дона и Днѣпра стали заселяться русскими бѣглецами: тамъ они могли считать себя безопасными и отъ татарскихъ баскаковъ (сборщиковъ податей) и отъ утѣсненія князей. Поселенія, осѣвшія въ лѣсахъ, прилегавшихъ къ Ледовитому морю, не представляютъ никакого особаго интереса, кромѣ впрочемъ того, что они безъ насилія распространили на дальній сѣверъ русское племя; но судьба выходцевъ, направившихся на югъ и образовавшихъ казачество, чрезвычайно интересна: это самая оживленная и, можно сказать, поэтическая страница всероссійской исторіи. Не даромъ о судьбахъ казачества написано такъ много лѣтописей и сохранилось въ народной памяти столько преданій, пѣсень и сказовъ. Люди съ большимъ талантомъ, каковы Гоголь, Шевченко и Костомаровъ, посвящали свои дарованія литературѣ и исторіи украинскаго казачества.

Что за разнообразіе представляетъ Русская земля и русскій народъ! Тогда какъ на отдаленномъ сѣверѣ русскія колоніи живутъ посреди угрюмой полярной природы, — другія, на Терекѣ, напимѣръ, почти не зна-

ютъ зимы, воздѣлываютъ виноградъ и шелковицу. Не менѣе разнообразіе замѣчается и въ отношеніи быта различныхъ частей русскаго народонаселенія. Въ Москвѣ родилось и широко развилось самодержавіе; въ такъ Западной, заднѣпровской Руси образовалась аристократія; Новгородъ, Псковъ и южныя поселенія, гдѣ взросло казачество, и всѣ тѣ мѣста, куда оно бросило отпрыски, — на Дону, на Терекѣ, на Уралѣ, приняли формы республикъ. Россія — это цѣлый міръ! И тѣмъ болѣе интересно ея изученіе.

Теперь насъ займетъ казачество и именно малороссійскіе казаки, такъ какъ въ прошедшей главѣ мы начали-было говорить о нихъ.

Извѣсно, что во время татарскаго владычества нынѣшняя Малороссія, губерніи кіевская, волинская и подольская, а также восточная часть австрійской Галиціи мало-по-малу отдѣлились отъ Руси и перешли въ составъ польско-литовскаго государства. Князья и бояре этихъ странъ въ теченіе времени приняли католическую вѣру, польскіе нравы и языкъ; но простонародье упорно держалось и своей вѣры и своего языка, за что оно подверглось большимъ притѣсненіямъ со стороны какъ своихъ ополячившихся единоземцевъ, такъ и со стороны польскаго правительства. Туда проникло латинское духовенство, всегда чрезвычайно ревностное къ обращенію иновѣрцевъ, много польскихъ пановъ получило тамъ помѣстья, и тогда положеніе страны сдѣлалось совершенно бѣдственнымъ. Одинъ французъ, Бопланъ, бывшій въ польской службѣ въ половинѣ XVII вѣка (человѣкъ, болѣе расположенный къ Полякамъ, чѣмъ къ Русскимъ), — говоритъ, что «паны тамъ жили какъ въ

царствѣ небесномъ, а крестьяне какъ въ чистилищѣ». За то, прибавляетъ онъ, и не проходитъ тамъ нѣсколькихъ лѣтъ безъ возмущенія.

Вѣроятно впрочемъ, что эти возмущенія не повторялись бы такъ часто, еслибъ для недовольныхъ крестьянъ или *хлоповъ*, какъ ихъ называли тамъ, не было вблизи безопаснаго и всегда открытаго пріюта въ такъ называемой *Спчи Запорожской*. Эта-то Сѣчь и была колыбелью и центромъ малороссійскаго казачества. Пониже днѣпровскихъ пороговъ, на островкахъ и берегахъ Днѣпра, поросшихъ камышемъ, въ мѣстахъ безлюдныхъ и удаленныхъ отъ всякаго жилья, съ давнихъ лѣтъ жили бѣглецы изъ польской Руси и изъ собственно Московскаго государства, люди убѣгавшіе татарскаго насилія или католическаго притѣсненія, покидавшіе родной кровъ и семейства и уносившіе съ собою только православную вѣру да родной языкъ.

Это была шайка удалцевъ бездомныхъ, бѣдныхъ, отважныхъ, которая не признавала надъ собою власти ни великихъ князей московскихъ, ни королей польскихъ, ни хановъ татарскихъ, шайка безопасная посреди своихъ степей, которая или отстрѣливалась отъ враговъ, скрываясь въ своихъ родныхъ камышахъ, или разбѣгалась, когда противъ нея шла большая сила, — но разбѣгалась съ тѣмъ, чтобы опять собраться немедленно по удаленіи враговъ, и потомъ съ неслыханною дерзостью сама на нихъ нападала, когда представлялся къ тому благопріятный случай.

Слухъ объ удалой жизни Запорожцевъ скоро распространился по всей польской Руси, и отовсюду къ нимъ стекались новые выходцы. Хлопы, утѣсняемые поль-

скими панами и латинскими монахами, польскіе дворяне, преслѣдуемые кредиторами, Русскіе, даже Татары, — всякій, кто бы ни явился въ Сѣчь, то-есть мѣсто жительства Запорожцевъ, находилъ тамъ пріютъ и безопасность, лиша бы онъ былъ или сдѣлался православнымъ, да не боялся при случаѣ положить удалую свою голову. Вся жизнь ихъ состояла изъ отважныхъ набѣговъ, да изъ кутежа на счетъ награбленной добычи. Во время похода не было людей болѣе воздержныхъ; они довольствовались какою нибудь горстью толокна; за то, по возвращеніи въ Сѣчь, вино лилось у нихъ рѣкою, червонцы бросали они пригоршнями, кусокъ парчи давали за ведро горѣлки. На неутомимыхъ своихъ коняхъ они проскакивали страшныя пространства, переплывали широкія рѣки, налетали какъ вихрь и уносились назадъ; пускались въ открытое море на небольшихъ открытыхъ лодкахъ, нападали на военные турецкіе корабли, дѣлали высадки на берега Малой Азіи. Ни законовъ, ни начальства не было между Запорожцами; всѣ были «паны - братья» между собою. Изъ среды себя, вольными голосами, они избрали себѣ атамана, называемаго кошевымъ, который долженъ былъ водить ихъ, когда они поднимались «добывать себѣ зипуновъ» у Поляковъ, Татаръ или Турокъ; но постоянной власти этотъ атаманъ не имѣлъ, а его слушались только потому, что ему довѣряли, и только до тѣхъ поръ, пока довѣряли: въ противномъ случаѣ ставили на его мѣсто другаго.

Таково было коренное казачество. Запорожцы были всѣ холосты, или жили въ Сѣчи безъ семействъ своихъ, — какъ нѣкогда Римляне на капитолійскомъ холмѣ.

Жилища ихъ были не избы, а огромные сараи, называемые *куреньями*, въ которыхъ помѣщалось по нѣскольکو сотъ человѣкъ имѣвшихъ общимъ все — столъ, имущество, и гдѣ каждый долженъ повиноваться волѣ всѣхъ. Кромѣ, такихъ куреней въ Сѣчи были церкви, щедро обогащаемыя награбленнымъ золотомъ и серебромъ, — и все это было обнесено рвомъ и валомъ съ башенками.

Независимо отъ казаковъ, живущихъ въ Сѣчи, жили другіе, по обоимъ берегамъ Днѣпра, въ нынѣшнихъ губерніяхъ херсонской и екатеринославской; всѣ они считались запорожцами и признавали власть кошеваго атамана, хотя были по большей части семейные люди и жили особыми хуторами. Независимо еще и отъ этихъ казаковъ, казачество распространилось въ послѣдствіи почти на всю и юго-западную Русь, отошедшую къ Польшѣ. Страны эти были подвержены безпрестаннымъ набѣгамъ Татаръ, и потому Польскіе короли сначала покровительствовали казакамъ, какъ запорожскимъ такъ и вообще малороссійскимъ; эти послѣдніе также, какъ и первые, считались «войскомъ» и управлялись гетманомъ, который выбирался вольными голосами; полковники и вообще «войсковая старшина», была изъ малороссіянъ же, и этотъ гетманъ, эта старшина правили нѣсколькими десятками тысячъ людей воинственныхъ, сильныхъ отважныхъ, гордившихся своею независимостью передъ всѣми жителями польскихъ областей, помнившихъ, что земли, которыя они заселяли, никогда не были завоеваны поляками, а добровольно къ нимъ примкнули, «какъ вольные къ вольнымъ, какъ равные къ равнымъ». Они съ негодованіемъ видѣли, что ихъ земляки и едино-

вѣрцы, крестьяне польскихъ и ополячившихся русскихъ помещиковъ, угнетены, что ихъ родной языкъ, старинные обычаи и прародительская вѣра подвергаются гоненіямъ. Крестьяне въ свою очередь съ любовію и завистью смотрѣли на казаковъ — и между тѣми и другими установилось горячее сочувствіе, которое наконецъ показалось опаснымъ польскому правительству. Оно вздумало отнимать права у казаковъ, уменьшать ихъ число, вводить между ними Унію (*) и католичество, отдавать православныя церкви въ аренду евреямъ, которые требовали платы за каждое богослуженіе.

Все это привело къ печальнымъ для Польши послѣдствіямъ: общее неудовольствіе гораздо тѣснѣе прежняго сблизило все православное народонаселеніе польской Руси, — казаковъ и хлоповъ, и однажды оно все, всею своею массою, отъ Стародуба и Изюма до Карпатовъ, возстало противъ Польши. Предводителемъ его въ это время былъ славный Богданъ Хмельницкій, выбранный казаками въ гетманы вопреки польскому правительству. Онъ страшно опустошалъ мѣстности, принадлежавшія королю и панамъ, пожегъ множество костеловъ, погубилъ множество народа и наконецъ ударилъ челомъ Малороссіею русскому Царю.

Алексѣй Михайловичъ, который въ то время царствовалъ, принялъ казаковъ «подъ свою руку», обѣщая сохранить старинныя ихъ права и вольности, а именно: избирать себѣ гетмана и всю войсковую старшину, су-

() Уніей называлось исповѣданіе, сохранившее обряды православной Церкви, но послѣдователи котораго признавали господство папы: это была переходная ступень къ католицизму.

даться и вѣдаться по своимъ обычаямъ и не знать надъ собою никакой власти, кромѣ выбранныхъ войскомъ лицъ.

Но такое управленіе, очень мало похожее на то, которое существовало въ Россіи, не нравилось Царю и его преемникамъ, даже боярамъ московскимъ; съ другой стороны казаки, привыкшіе во время послѣднихъ войнъ съ Польшею къ своеволію, а ихъ гетманы къ полной независимости, неохотно подчинялись даже и справедливымъ требованіямъ порядка. Гетманы, по старинному, безпрестанно обсылались съ варшавскимъ, крымскимъ и турецкимъ дворами: это было не согласно съ государственнымъ порядкомъ. Предупреждая неурейства на Украинѣ, Царь держалъ тамъ русское войско: это, съ своей стороны, не нравилось казакамъ. Поэтому въ Малороссіи и послѣ присоединенія ея къ Россіи происходили частыя волненія, и между казаками было много такихъ, которые сожалѣли о рѣшеніи, принятомъ Хмельницкимъ, и готовы были передаться опять Польшѣ или даже Крыму и Турціи; и дѣйствительно заднѣпровская Малороссія, т. е. нынѣшнія кіевская, волинская и подольская губерніи не удержались за нами: Польша отбила ихъ у Россіи. Московскій договоръ 1686 года, какъ мы видѣли, опредѣлялъ границу между этими государствами Днѣпръ.

Во время Крымскихъ походовъ гетманомъ украинскихъ казаковъ праваго берега Днѣпра былъ Иванъ Самойловичъ. Это былъ человекъ, преданный Россіи болѣе, нежели многіе изъ казаковъ, но еще болѣе не любившій Польшу, нежели любившій Россію. Поэтому ему очень не нравился союзъ, заключенный нами съ

Варшавою. Онъ писалъ въ Москву, старясь помѣшать этому союзу, и былъ весьма не доволенъ, когда по условію этого союза, былъ объявленъ походъ въ Крымъ. «Купила себѣ Москва лиха за свои гроши!» говорилъ онъ, намекая на сумму, выговоренную Польшею при заключеніи договора, и пророча намъ неудачу въ войнѣ съ Татарами. Самойловичу не нравилось и назначеніе главнымъ воеводою Голицына, съ которымъ онъ еще прежде былъ въ нехорошихъ отношеніяхъ; быть подъ его начальствомъ, казалось оскорбительнымъ гетману, который справедливо могъ по своимъ стариннымъ правамъ и преимуществамъ, по независимости своего положенія, считать себя первымъ и вовсе исключительнымъ человѣкомъ въ Россіи.

Самойловичъ былъ человѣкъ неглупый; самая вѣрность его Россіи доказывала, что онъ умѣлъ расчитать, чье покровительство ему полезнѣе; но онъ былъ не любимъ казаками за свою скупость и высокомеріе. Забывая примѣръ Хмельницкаго, который, не взирая на то, что былъ главою почти независимаго народа и носилъ почетное, названіе «батъка», забывая, говорю, что славный Хмельницкій былъ для всѣхъ доступенъ, охотно выпивалъ чарку горѣлки съ послѣднимъ казакомъ, низко кланялся міру, когда являлся на казачій кругъ, не рѣдко униженно просилъ у него прощенія, когда онъ замѣчалъ что казаки имъ недовольны, — забывая такой примѣръ, Самойловичъ, далеко не имѣвшій правъ своего предшественника на любовь и уваженіе народа, держалъ себя гордо, допускалъ къ себѣ только старшину и требовалъ, чтобъ народъ ломалъ передъ нимъ шапку, какъ предъ Царемъ московскимъ. Кромѣ того онъ былъ скупъ, не

любилъ, по обычаю, дорогому для казака, поставить ребромъ послѣднюю копѣйку, потѣшиться и потѣшить пановъ-братьевъ; напротивъ, онъ любилъ откладывать рубль къ рублю и съ этою цѣлю установилъ откупа на вино, медъ и пиво, то-есть, за право курить или варить и продавать ихъ, всякій долженъ былъ платить нѣкоторую сумму, которая поступала хотя и въ казну, принадлежавшую всему войску, но казки были вполне увѣрены, что гетманъ распоряжается всѣми этими суммами, какъ собственными.

По всему этому казаки не любили Самойловича; не любили его полковники и вообще войсковая старшина; не любили его даже тѣ, которые выражали ему всевозможную преданность. Между такими былъ одинъ изъ главныхъ лицъ украинскаго казачества, войсковою эсаулъ, Иванъ Мазепа. О человѣкѣ этомъ придется много говорить впослѣдствіи, а потому познакомимся съ нимъ теперь. Мазепа былъ заднѣпровскій казакъ; въ молодости онъ служилъ нажемъ при польскомъ королевскомъ дворѣ, приобрѣлъ тамъ порядочное образованіе и при большомъ своемъ умѣ, чрезвычайно искательномъ и пронырливомъ, могъ бы безъ сомнѣнія достигнуть значительныхъ степеней въ польской службѣ. Но одинъ случай далъ его жизни совершенно новое направленіе. Онъ оскорбилъ какого-то польскаго пана, который однажды съ нѣсколькими слугами, подкарауливъ его одного, ночью, схватилъ его, велѣлъ раздѣть до-нога и привязать навзничъ на спину дикой степной лошади, головою къ хвосту; потомъ велѣлъ бить бичами эту лошадь и окончательно взбѣсивши ее выстрѣлами, пустить на всѣ четыре вѣтра. Бѣшенный конь, доведенный до изступленія бичеваніемъ и выстрѣ-

лами, кинулся куда глаза глядѣли и постоянно подстрекаемый непривычнымъ щекотаніемъ веревокъ, которыми былъ привязанъ Мазепа, — мчался безъ остановки чрезъ поля и овраги, чрезъ ручьи, лѣса и колючій кустарникъ. Эта дикая, бѣшеная скачка обезсмертена прекрасною поэмою англійскаго поэта, Байрона, и картиною французскаго живописца, Верне, съ котораго существуетъ множество литографій: на ней изображено, что дикій конь мчится лѣсомъ, прыгаетъ черезъ сваленныя бурею деревья; стая волковъ гонится за нимъ, а несчастный всадникъ, ободранный колючими сучьями, растянута на спинѣ его, недвижимый и почти мертвый.

Но наконецъ силы оставили неутомимаго бѣгуна: онъ рухнулся, оскалилъ зубы и издохъ; это было недалеко отъ береговъ Днѣпра. Какая-то женщина, проходя мимо, увидала издохшаго коня и издыхающаго всадника, отвязала послѣдняго и возвратила его къ жизни. Мазепа поселился между заднѣпровскими казаками, записался въ войсковой списокъ, скоро далъ себя замѣтить своею расторопностію, но во время войнъ правобережскихъ казаковъ съ лѣвобережскими, попался въ плѣнъ и былъ представленъ гетману. Самойловичъ поручилъ ему учить своихъ сыновей, а между тѣмъ записалъ его въ казаки, повышалъ его и наконецъ довелъ до званія войскового эсаула, одного изъ самыхъ важныхъ званій въ войскѣ.

Мазепа лисилъ передъ Самойловичемъ, но втайнѣ интриговалъ противъ него: горевалъ о казачей вольности съ тѣми, которые ее оплакивали, говорилъ имъ, что гетманъ продаетъ ее, эту вольность «Москалямъ (*)» за царское

(*) Такъ обыкновенно называли Русскихъ Поляки и Малороссіане.

жалованье, а между тѣмъ не пропускалъ случая съѣздить въ Москву и свести тамъ полезныя для себя связи. Между прочимъ ему удалось сблизиться съ В. В. Голицынымъ, который не замедлилъ оцѣнить его умъ и повѣрилъ его преданности Россіи.

Весьма вѣроятно, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что Мазепа и шепнулъ Голицыну, что крымскія степи выжжены по приказанію Самойловича. Это могло показаться и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ невѣроятнымъ. Старый гетманъ постоянно ворчалъ съ самаго начала похода, жаловался, что безразсудная прихоть царевнина фаворита лишаетъ его зрѣнія, потому что его глаза, и безъ того слабые, страдали отъ зноя и пыли; а когда пожаръ принудилъ нашу рать возвратиться, то онъ съ какимъ-то злорадствомъ твердилъ, что предвидѣлъ неуспѣхъ. «Не сказывалъ ли я, повторялъ онъ, что Москва Крыму ничего не сдѣлаетъ?» Все это, конечно, никакъ нельзя принять за доказательство измѣны со стороны Самойловича; но Голицынъ былъ радъ случаю свалить на когонибудь вину своей неудачи. Замѣтивъ же этотъ тайный и, конечно, весьма не похвальный изгибъ души Голицына, враги Самойловича стали дѣйствовать смѣлѣе, и собравшись между собою, написали доносъ, въ которомъ формально обвиняли его въ злонамѣренномъ поджогѣ степи, въ замыслѣ отложиться отъ Россіи, въ лихоимствѣ и самовластіи.

Весьма вѣроятно, что, при другихъ обстоятельствахъ и въ отношеніи другаго лица, Голицынъ не повѣрилъ бы бездоказательному обвиненію въ предательствѣ, и едва ли далъ бы большое значеніе жалобамъ на лихоимство и самовластіе, — слишкомъ въ то время обыкновенныя; но

теперь, надѣясь облегчить свою личную отвѣтственность, онъ принялъ казачій доносъ и послалъ его въ Москву. Отвѣтъ оттуда не замедлилъ прійти. Царевна, ни слова не упоминая о мнимой измѣнѣ Самойловича, приказывала смѣнить его «буде онъ казакамъ не годенъ», и сослать «куда пристойно», на его же мѣсто выбрать гетмана вольными голосами, по обыкновенію. Въ дѣйствительности Самойловичъ пересталъ быть гетманомъ, какъ только былъ принятъ Голицынымъ доносъ на него. Ловко распущенный слухъ о его измѣнѣ быстро распространился между казаками, которые заволновались и такъ энергически выразили свою нелюбовь къ гетману, что онъ принужденъ былъ самъ просить у Голицына убѣжища въ русскомъ станѣ и охраннаго караула изъ стрѣльцовъ. Желаніе это было немедленно исполнено и Самойловичъ очутился настоящимъ плѣнникомъ. Когда же получился указъ о его низложеніи, предосторожности были удвоены; всю ночь стража не смыкала глазъ вокругъ его шатра, а рано утромъ онъ былъ потребованъ къ главному воеводѣ. Самойловичъ только-что выходилъ отъ заутрени, которую слушалъ въ походной церкви; онъ былъ одѣтъ по домашнему; голова его была повязана платкомъ: въ такомъ видѣ, не давъ ему времени переодѣться, привели его въ разрядный шатеръ (*). Тамъ ждала его казачья старшина, русскіе воеводы и Голицынъ: ему былъ прочтенъ доносъ; онъ хотѣлъ было возражать, но тѣ, которые на него доно-

(*) Палатка, въ которой находилась, сказали бы теперь, походная канцелярія главнокомандующаго.

сили, не дали говорить ему, а Голицынъ не заставилъ ихъ молчать и не выслушалъ оправданій обвиняемаго. Впрочемъ обвинялся онъ московскимъ дворомъ собственно только въ дурномъ управленіи Украйною, въ чемъ, разумѣется, лучшими судьями были сами управляемые. Поэтому, не входя ни въ какія пренія, ему прочли царскій указъ и Голицынъ отобралъ у него серебряную булаву, — знакъ его гетманскаго достоинства, и объявилъ присутствующей старшинѣ, что черезъ два дня будетъ избраніе новаго гетмана.

Сильно кипѣли и волновались казачьи головы въ эти два дня! Избраніе міромъ, всѣмъ «кругомъ» казачьимъ гетмана было чѣмъ-то напоминавшимъ старинную вольность, дорогія казакамъ права. Весь станъ казачій шумѣлъ и волновался; кучки собирались то здѣсь, то тамъ; вездѣ горячились, кричали и не разъ обнажались кривыя, острые сабли. Всякій произносилъ имя человека, котораго особенно любилъ или кому наиболѣе довѣрялъ; но чаще всѣхъ повторялись имена Мазепы и войскового обознаго Барковского. Наконецъ наступилъ день, назначенный для торжественнаго избранія.

Съ ранняго утра на равнинѣ, раздѣлявшей русскій станъ отъ казачьяго, толпились казаки, всѣ пятьдесятъ тысячъ, бывшіе въ походѣ, — и говоръ ихъ голосовъ шумѣлъ, какъ морской прибой. Часу въ десятомъ стали выѣзжать съ одной стороны казачьи полковники и другая старшина, а съ другой бояре и воеводы: первые, на своихъ сухихъ, быстрыхъ небольшихъ лошадакахъ, въ простыхъ жупанахъ (*), но съ воинственнымъ видомъ, съ

(*) Одежда казаковъ, по крайней мѣрѣ парадная ихъ одежда, была болѣе польская, нежели русская.

закрученными усами, съ бойко набекрененными на ухо бараньими шапками, съ лихо заброшенными за спину откидными рукавами, другіе — въ высокихъ «горлатныхъ» шапкахъ, въ шубахъ, подбитыхъ соболемъ или черною лисицею, на видныхъ аргамакахъ, которыхъ сбруя, увѣшанная бляхами и бубенчиками, и серебряныя цѣпочки, вмѣсто поводьевъ, звенѣли и сверкали на солнцѣ.

Пріѣхалъ наконецъ и Голицынъ и направился къ церковному шатру, гдѣ отслушалъ обѣдню, а по окончаніи ея, выйдя и поклонясь казачьей «громадѣ» (*), объявилъ, что Цари и царевна соизволяютъ на избраніе новаго гетмана вольными голосами, по стародавнему обычаю. Смолкнувшія — было тысячи голосовъ опять зашумѣли. Въ одномъ концѣ громче раздавалось имя Василья Барковского, въ другомъ Ивана Мазепы, но наконецъ этотъ послѣдній кличъ сталъ покрывать всю равнину. — Кого же вы желаета имѣть своимъ гетманомъ? спросилъ Голицынъ у казаковъ «Ивана Мазепу» загремѣла толпа, покрывая всѣ прочія имена. Тогда Голицынъ обратился къ Мазепѣ, передалъ ему гетманскую булаву и знамя, и утвердилъ отъ имени Царей старинныя вольности казачьи, признанныя Царемъ Алексѣемъ, а именно: судъ и управленіе казачьимъ войскомъ вѣдать выборнымъ изъ среды казачества, царскимъ полкамъ быть только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ пунктахъ; съ другой стороны казаки обѣщались не принимать русскихъ бѣглецовъ, не провозить въ Россію вина и табаку — что было бы вредно, думали тогда, для русской торговли, — и доносить на затѣвающихъ мятежи и

(*) Толпѣ, міру.

злоумышленія, что, по тогдашнимъ понятіямъ, казалось лучшимъ средствомъ къ предохраненію края отъ безпокойствъ.

Вслѣдъ за тѣмъ полученъ былъ царскій указъ о рашпущеніи рати впредь до новаго сбора. Голицынъ отправился въ Москву, новый гетманъ въ свою резиденцію, Батуринъ, — а Самойловичъ — въ ссылку.

VI.

ЦАРЕВНА НАГРАЖДАЕТЪ ГОЛИЦЫНА И РАТНЫХЪ ЛЮДЕЙ ЗА КРЫМСКІЙ ПОХОДЪ. — Это производитъ неудовольствіе въ Москвѣ; неудовольные группируются около Петра. — Петръ. — На его воспитаніе не обращено было должнаго вниманія; Зотовъ. — Дѣтскія игры Петра; потѣшныя. — Астролябія. — Тиммерманъ. — Старинный ботикъ. — Карштенъ Брантъ. — Иноземцы болѣе знающіе, чѣмъ Русскіе. — Связи Петра съ Нѣмецкою слободою. — Петръ начинаетъ получать болѣе значенія въ глазахъ царевны. — Неудовольствія между нею и вдовствующею царицею усиливаются. — Бракъ Петра. — Мысли царевны о престолѣ. — Шакловитый. — Второй крымскій походъ. — Какъ жили Татары въ Крыму? — Перекопъ — Отступленіе.

Теперь намъ пора возвратиться въ Москву и посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

Хотя походъ противъ Крыма былъ вполне безуспѣшенъ, царевна рѣшилась прославить его, какъ громкій подвигъ, и раздала множество наградъ воеводамъ и простымъ ратникамъ; но, разумѣется, щедрѣе всѣхъ былъ на-

граждень Голицынъ. Зачѣмъ тамъ поступала царевна? Не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, быть до такой степени ослѣпленною, чтобъ быть довольною совершеннымъ походомъ. Безъ сомнѣнія, она очень хорошо видѣла истину, хотя и велико было ея пристрастіе къ Голицыну, и хотя онъ старался сколько зозможно отклонить отъ себя вину своей неудачи, царевна не обманывалась; но она хотѣла обмануть всю Россію и исторію; она надѣялась, что видя, какъ она рѣшительно одобряетъ всѣ дѣйствія своего фаворита, никто не осмѣлится ихъ порицать. Она очень ошибалась; ничто такъ не усиливаетъ порицанія, какъ незаслуженная награда, и Голицынъ, а съ нимъ и она сама, подверглись обвиненіямъ гораздо болѣе, нежели онъ того заслуживалъ, потому что съ тогдашнею ратью и при всеобщемъ у насъ въ то время незнаніи военнаго искусства, рѣшительно ни одинъ воевода не довелъ бы Крымской войны до благополучнаго окончанія.

Патріархъ, Долгоруковы, Щербатовы, всѣ друзья Нарышкиныхъ, всѣ приверженцы младшаго Царя сдѣлались теперь рѣшительными противниками Голицына и царевны; они могли быть тѣмъ смѣлѣе, что главной ихъ опорѣ и надеждѣ, Петру, былъ въ это время шестнадцатый годъ.

Этому необыкновенному человѣку назначено было играть такую огромную роль въ судьбахъ Россіи, что о немъ надо поговорить съ особою подробностію. Академикъ Устряловъ собралъ въ послѣднее время о его молодости много драгоцѣнныхъ извѣстій, — мы ими воспользуемся.

Петру былъ четвертый годъ, когда скончался Царь Алексѣй; непріятныя отношенія вдовствующей царицы къ своему пасынку, Θεодору Алексѣевичу, принудили ее, какъ мы уже знаемъ, оставить Москву и удалиться въ

Преображенское, съ весьма небольшимъ числомъ друзей, оставшихся ей вѣрными. Съ рукъ мамы и верховной барины, которымъ было поручено, по тогдашнему обычаю, попеченіе надъ царевичемъ, онъ перешелъ подъ надзоръ дядьки, дьяка Никиты Зотова; человекъ этотъ, не глупый и не безъ свѣдѣній, но большой пьяница, мало занимался своимъ питомцемъ и ничему не училъ его; недавно отысканы учебныя тетради Петра: изъ нихъ видно, что въ шестнадцать лѣтъ онъ только учился четыремъ правиламъ ариѳметики и писалъ очень не твердо. Можетъ быть, и царица сама, — женщина очень обыкновенная, — любя горячо, но неразумно, своего сына, не желала, чтобъ его утомляли науками: еще недавно множество было такихъ маменекъ.

Но природа щедро одарила нашего царевича и здоровьемъ, и красотою, и живостью, и умомъ, и памятью. Теперь дѣти рано получаютъ возможность проводить время одни, не нуждаясь въ товарищахъ, находя развлеченіе въ книгахъ и въ бесѣдахъ съ образованными родителями или наставниками; въ старину было не то, а потому большою заботою для родителей было окружить ребенка сверстниками, пріискать ему товарищей для игръ. Дѣтей небогатыхъ дворянъ окружали для этой цѣли толпы дворовыхъ мальчишекъ, дѣтей знатныхъ дворянъ — дѣти не богатыхъ ихъ родственниковъ или сосѣдей, наконецъ царскихъ дѣтей — дѣти приближеннѣйшихъ царедворцевъ. Такъ было и съ Петромъ. Только въ первое время царствованія Θεодора Алексѣевича при опальномъ царевичѣ не могло быть много товарищей; число ихъ конечно увеличилось, когда возвысились Языковъ и Апраксины, успѣвшіе примирить Θεодора съ его мачи-

хою, и увеличилось еще болѣе, когда десятилѣтній Петръ сдѣлался Царемъ.

Но этотъ живой и пылкій ребенокъ игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что ему хотѣлось имѣть все больше и больше товарищей. Голиковъ, собравшій около ста лѣтъ тому назадъ множество извѣстій о Петрѣ, не всегда впрочемъ вѣрныхъ, рассказываетъ, что еще при Царѣ Оеодорѣ онъ выпросилъ себѣ товарищей изъ молодыхъ конюшенныхъ служителей. Но ранѣе или позднѣе, все равно, — вѣрно то, что у Петра была цѣлая толпа товарищей, съ которыми онъ забавлялся шумными играми и, между прочими, игрою въ *солдатики*. Эти дѣти, между которыми были и рослые парни, строились фронтомъ, занимались «метаніемъ артикула», по образцу солдатскихъ полковъ, а какъ эти игры очень забавляли молодого царевича, какъ и вообще нравятся дѣтямъ, не привыкшимъ къ другому рода занятіямъ, то охотниковъ поступать въ «потѣшные» нашлось много, такъ много, что въ 1687 году, — въ годъ перскаго крымскаго похода, — они уже не могли помѣщаться въ Преображенскомъ и часть ихъ переведена въ другое дворцовое подмосковное село, — Семеновское.

Эти потѣшные, размѣщенные такимъ образомъ, были началомъ двухъ полковъ петровой *гвардіи*, учрежденія совершенно новаго въ Россіи, которое имѣло впоследствии большое значеніе: Петръ, начавши управлять царствомъ, нашелъ въ прежнихъ товарищахъ своихъ игръ надежныхъ помощниковъ, а способнѣйшіе изъ нихъ были имъ выдвинуты на важнѣйшія должности въ государствѣ; таковы были: кн. Мих. Мих. Голицынъ, Бутурлинъ, Меншиковъ и нѣкоторые другіе.

Но это случилось гораздо позднѣе, а покамѣстъ Петръ продолжалъ заниматься въ окрестностяхъ Москвы « потѣхами », которыя однакожь мало-по-малу начинаютъ принимать характеръ настоящихъ военныхъ упражненій; при потѣшныхъ уже заводится артиллерія, они строятъ укрѣпленія. Но скоро у молодого Царя является новая забава, которая еще болѣе, чѣмъ его игра въ *солдатики*, должна была имѣть важное значеніе для Россіи.

Вскорѣ послѣ заключенія союза съ Польшею, царевна отправила въ Испанію и Францію посольство; посломъ былъ назначенъ весьма впослѣдствіи извѣстный князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгоруковъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ въ Преображенскомъ и, разговорясь съ Петромъ, сказалъ ему, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія и высоту строеній, не сходя съ мѣста. Вещь показалась любознательному Петру затѣйливою, интересною; онъ просилъ Долгорукова прислать ему такой инструментъ изъ-за границы. Но когда онъ былъ присланъ, никто изъ окружавшихъ государя не умѣлъ ему указать его употребленіе. По счастію, придворный лекаръ изъ Нѣмцевъ, сказалъ, что между его земляками въ Москвѣ есть человѣкъ, который вѣроятно будетъ въ состояніи помочь Царю, и прислалъ къ нему Франца Тиммермана.

Тиммерманъ былъ мудрецъ не первой руки, однако безъ труда узналъ, что иноземный инструментъ есть простая астролябія, и показалъ какъ ее употреблять; но для этого надобно знать геометрію, а Петръ не очень отчетливо еще справлялся съ « мультотпликаціею ». Что было дѣлать? Учиться. И Петръ сталъ учиться и геометріи, и

фортификаціи, — всему, чему могъ его научить Тиммерманъ.

Такимъ образомъ любознательность молодого Царя была возбуждена, но мало было людей около него, [которые могли бы удовлетворить ей. Однажды онъ былъ въ] Измайловѣ, одномъ изъ подмосковныхъ дворцовыхъ селъ, гдѣ давно уже ни кто не жилъ. Тамъ между старымъ хламомъ, валявшимся въ амбарахъ, [онъ увидѣлъ небольшое судно, конструкція котораго остановила его вниманіе; онъ спросилъ откуда оно; но его дядьки, Стрѣшневъ, знали не болѣе Якова Долгорукова; не знае-
мъ, отвѣчали они. На счастье тутъ же случился Тиммерманъ; онъ объяснилъ, что это англійскій ботъ. Этого однакожь было недостаточно для Петра: онъ сталъ спрашивать отчего оно построено не такъ, какъ строятъ суда въ Россіи, въ чемъ его преимущество предъ нашими, какъ имъ управляютъ? Тиммерманъ могъ ему только сказать, что такое судно можетъ ходить на парусахъ противъ вѣтра, но больше ничего объяснить не могъ, а обѣщаль прислать другого своего земляка, который кораблестроительное дѣло знаетъ, и дѣйствительно прислалъ стараго Голландца, Карштенъ-Бранта, корабельнаго плотника, который былъ выписанъ при Царѣ Алексѣѣ, работалъ при постройкѣ корабля «Орелъ», единственнаго военнаго корабля, бывшаго передъ тѣмъ въ Россіи и сожженнаго Стенькою Разинымъ. Старикъ Брантъ давно пересталъ заниматься корабельнымъ плотничествомъ и добывалъ въ Москвѣ хлѣбъ столярною работою, но былъ однакожь въ состояніи объяснить Царю управленіе парусами; онъ вычистилъ ботъ, придѣлалъ къ нему мачту, справилъ паруса и, перетащивши его на Яuzu, вызвался все имъ рассказан-

ное показать на дѣлѣ. И точно, въ назначенный день, Брантъ поднялъ паруса, шевельнулъ рулемъ, и боть, какъ выѣзженный конь, пошелъ впередъ, назадъ, вправо и влево, по вѣтру и противъ вѣтра, правда, нерѣдко упираясь носомъ въ извилистые берега маленькой рѣчонки, но очевидно повинуюсь рулю и парусамъ. Петръ былъ въ восхищеніи, и плаванье на старомъ ботикѣ сдѣлалось любимой его забавой. Яуза скоро показалась ему уже тѣсною; онъ перетащилъ его на прудъ; но и тамъ было мало простору; тогда онъ отправился съ своимъ ботомъ на Переяславское озеро, гдѣ въ свою очередь судно оказалось слишкомъ малымъ, и потому Карштень Брантъ принялся за свой старый топоръ и циркуль, и сталъ строить два небольшіе фрегата.

Все это очень живо рисуетъ Петра. Весьма мало развитой, но чрезвычайно любознательный, онъ все замѣчаетъ, всѣмъ интересуется, все хочетъ узнать до основанія; предается со страстію каждому занятію, не боится труда, не знаетъ препятствій и простую забаву обращаетъ въ серьезное дѣло. Здѣсь же, кстати, надо замѣтить одно обстоятельство, которое во всю жизнь Петра будетъ имѣть на него и на Россію вліяніе: знакомство съ иностранцами. Когда Долгоруковъ прислалъ ему астролябію, — употребленіе ея объяснилъ ему Нѣмецъ; за первыми уроками въ навигаціи онъ долженъ былъ обратиться къ Голландцу; чтобъ пополнить познанія, которыя сообщалъ ему Зотовъ, опять таки онъ долженъ призвать Нѣмца. Что изъ этого долженъ былъ натурально заключить Петръ? что иностранцы гораздо просвѣщеннѣе Русскихъ, что Русскимъ надо многому учиться у Нѣмцевъ.

Между тѣмъ на эти, совершенно новыя въ Россіи за-

нѣтія Петра, не очень дружелюбно смотрѣли весьма многіе. Уваженіе къ старинѣ, ко всему дѣдовскому было не только чрезвычайно сильно въ Россіи, — что впрочемъ весьма похвально, — но это уваженіе доходило до обожанія; иностранное и бусурманское — значило почти одно и то же: новизна въ чемъ бы то ни было, — въ одеждѣ ли, въ образѣ ли жизни, — казалось чуть ли не ересью; а потому весьма многіе неодобрительно покачивали головами, слушая рассказы о томъ, что дѣлалось въ Преображенскомъ. Тѣмъ не менѣе, даже тѣ самые, которые находили, что эти занятія неприличны царскому сыну, должны были признаться, что царственный юноша обѣщаетъ быть энергическимъ правителемъ, что онъ не долго оставитъ въ чужихъ рукахъ власть, принадлежащую ему по праву, — и всѣ недовольные царвною пристроивались къ нему, — а такихъ было много, и при томъ между людьми вліятельными, сильными и родовитыми, каковы на примѣръ Долгоруковы, Рамодановскіе, нѣкоторые изъ Шереметевыхъ и Голицыныхъ.

Одво только смущало ихъ: это чрезвычайное расположеніе молодаго государя къ иноземцамъ. Онъ не только призывалъ ихъ къ себѣ, чтобъ потребовать отъ нихъ объясненія того или другаго, неизвѣстнаго Русскимъ, но проводилъ долгіе часы въ бесѣдахъ съ ними, расспрашивалъ о чужихъ земляхъ, о чужихъ обычаяхъ, и съ похвалою объ нихъ отзывался. Мало того, онъ не гнушался отправляться самъ въ Нѣмецкую слободу, заходилъ то къ тому то къ другому иноземцу, выпивалъ у нихъ рюмку водки или кружку пива, а какъ они были по большей части ремесленники, то бралъ изъ ихъ рукъ или топоръ, или долото, и работалъ, разговаривалъ съ ихъ женами и до-

черьми. Одна изъ этихъ послѣднихъ, дочь золотыхъ дѣлъ мастера Монса, даже очень ему нравилась.

Петру уже былъ семнадцатый годъ, — и царица-мать серьезно обезпокоилась этими частыми его поѣздками къ Монсу. Въ старину былъ обычай: если молодой человѣкъ начинаетъ вести немножко безпорядочную жизнь — поскорѣе женить его. По этому Наталья Кириловна стала искать для Петра невѣсты, найти же невѣсту было дѣломъ не труднымъ, потому что отъ нея требовалось только молодости, красоты да скромности, — а по этикету того времени всякая благовоспитанная дѣвица, при людяхъ, по крайней мѣрѣ, сидѣла не иначе, какъ смиренно опустивъ рѣсницы: всякая изъ нихъ слѣдовательно казалась скромною. — И такъ выборъ царицы скоро остановился, а именно на дочери дворянина Лопухина, Авдотѣ Ѳедоровнѣ. Не въ обычай также было спрашивать и согласія жениха, предоставлять же ему самому выбирать себѣ невѣсту по сердцу — никто и не думалъ. Но какъ несчастливы бываютъ браки, заключаемые подобнымъ образомъ, — поразительнымъ примѣромъ можетъ служить тотъ, о которомъ мы теперь говоримъ и о которомъ еще будемъ говорить не разъ.

Свадьба Петра была отпразднована 27 января 1689 года, — а черезъ нѣсколько недѣль, съ первымъ вѣяніемъ весны, онъ уже летѣлъ отъ молодой своей жены на Переяславское озеро, гдѣ старикъ Брантъ работалъ надъ фрегатами. Прошло еще нѣсколько недѣль, и фрегаты эти были спущены на воду и выстрѣлами своихъ небольшихъ пушекъ огласили окрестность.

Этотъ маленькій флотъ, это маленькое войско тревожили царевну, и хотя она и ея приближенные еще старались

придать всему этому видъ дѣтской и неприличной шалости, а потѣшныхъ презрительно называли «конюхами», но въ душѣ она была не спокойна и съ горечью отзывалось о молодомъ Царѣ и его матери; между тѣмъ приживалки, юродивыя, которыя, по всеобщему обычаю, наполняли хоромы царевнѣ, — и Софіи въ томъ числѣ, — прослышавъ что нибудь отъ ея сѣнныхъ и постельныхъ дѣвушекъ, немедленно бѣжали къ вдовствующей царицѣ и передавали, конечно не безъ прикрасъ, «непригожія рѣчи», которыя про нея говорятся, потомъ запасшись такими же извѣстіями отъ ея прислуги, спѣшили съ вѣстями въ терема царевнѣ. Все это, разумѣется, усиливало взаимное неудовольствіе; съ обѣихъ сторонъ стали подсылать шпионовъ, стали слѣдить за друзьями и домашними той и другой стороны; кто часто бывалъ, напримѣръ, у Нарышкиныхъ, подвергался подозрѣнію царевны, а иногда и пыткѣ.

Царевна съ безпокойствомъ считала годы Петра и предвидѣла, что онъ скоро сброситъ ея опеку. Тогда она стала серьезно думать, какъ бы надѣть на себя корону. Повѣреннымъ ея въ этихъ тайныхъ думахъ былъ Шакловитый. Человѣкъ этотъ казался ей безусловно преданнымъ и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ преданъ ей; будучи очень простаго происхожденія, не имѣя никакихъ связей, онъ видѣлъ въ ней одной всю свою опору, а честолюбіе его не имѣло предѣловъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются во время революцій и увлекаютъ народныя толпы своею отвагою, энергіей, дерзостью своихъ замысловъ, все истребляютъ, все заливаютъ кровью. Слыша жалобы царевны на ея мачиху, онъ говорилъ ей: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извѣсть!» Услышавъ

же или догадавшись о ея желаніи возсѣсть на престолъ, онъ тотчасъ сталъ приводить эту мысль въ исполненіе; имѣя большое вліяніе на стрѣльцовъ, онъ собралъ тѣхъ, на которыхъ наиболѣе надѣялся, и началъ ихъ подбивать, чтобъ они написали челобитную отъ всего стрѣleckаго войска, прося царевну вѣнчаться на царство. Это предложеніе смутило ихъ, они колебались.

— «Согласится ли патріархъ съ боярами?» замѣтили нѣкоторые.

— «Что патріархъ! возразилъ Шакловитый: — не тотъ, такъ другой будетъ. А о боярахъ не безпокойтесь: всѣ они отпадшее, зяблое дерево.»

Ничто, слѣдовательно, не останавливало Шакловитаго; онъ все отбрасывалъ въ сторону, когда ему было нужно пройти!

Подготовляя стрѣльцовъ къ исполненію задуманнаго, онъ не открывалъ имъ, и даже самымъ довѣреннымъ изъ нихъ, всѣхъ своихъ замысловъ; о нихъ зналъ только одинъ игуменъ Законоспасскаго монастыря, Сильвестръ Медвѣдевъ, большой грамотѣй, богословъ, астрологъ, слагатель виршей и человѣкъ умный и очень честолюбивый. Онъ былъ друженъ съ Симеономъ Полоцкимъ; Царь Θεодоръ уважалъ его; Шакловитый, его землякъ и короткій пріятель, сблизилъ его съ царевною, которая скоро вполнѣ ему довѣрилась; къ Медвѣдеву она и онъ обращались за совѣтами, Медвѣдевъ «смотрѣлъ для нихъ на звѣзды»; запершись вдвоемъ съ Медвѣдевымъ въ его кельѣ, Шакловитый проводилъ цѣлыя ночи.

Что касается до Голицына, то, конечно, болѣе нежели кто нибудь онъ зналъ тайные помыслы царевны. Она питала къ нему сердечную привязанность и, какъ носились

слухи, даже думала выйти за него за-мужъ, при чемъ его жену надѣялись уговорить поступить въ монастырь. Но, какъ уже мы могли не разъ замѣтить, Голицынъ былъ человѣкъ нерѣшительный и осторожный, а потому онъ и теперь, какъ во время стрѣлецкихъ мятежей, держался въ сторонѣ. Надѣясь полезными дѣлами и громкими подвигами упрочить положеніе царевны и свое собственное, онъ настаивалъ на возобновленіи похода въ Крымъ и съ этою цѣлію совѣщался съ людьми, которыхъ считалъ знающими, дѣлалъ разныя нововведенія въ нашемъ войскѣ, приготовлялъ понтоны (*), вводилъ ручныя гранаты и т. п.

Желаніе его исполнилось: вторичный походъ въ Крымъ былъ объявленъ. Рать собралась въ этотъ разъ (1689) очень рано и все было приготовлено заблаговременно, такъ что во второй половинѣ апрѣля мы уже переправились черезъ Самару и вступили въ степь, не боясь пожара, потому что молодая трава не можетъ быть подожжена. Была у Голицына и другая причина спѣшить: онъ узналъ, что ханъ крымскій со всею своею ордою находится въ Бессарабіи; поэтому очень важно было достигнуть Перекопа прежде, нежели онъ могъ туда подоспѣть. И вотъ уже остается нѣсколько переходовъ; люди бодры, лошади сыты; потери нѣтъ почти никакой. Но вдругъ земля гудитъ и трясется, облако пыли поднимается вдали, и изъ за него налетаетъ цѣлая буря татарскихъ всадниковъ съ наклоненными копьями, съ крикомъ и гиканьемъ... Узнавъ о наступленіи на Крымъ, ханъ отъ береговъ Пру-

(*) Пловучіе мосты, перевозимые войсками съ собою.

та, не зная не устали, ни отдыха, со всею своею ордою примчался въ нѣсколько дней!

Татары не имѣли собственно войска, арміи: тамъ всякій взрослый человѣкъ былъ воинъ, садился на коня и бралъ въ руки копье и саблю. Наѣздничество было единственнымъ занятіемъ мужчинъ; поэтому орды татарскія были храбры, отважны; кидались на непріятеля быстро, рѣшительно, но при неуспѣхѣ тотчасъ пускались на утекъ. Такой непріятель не страшенъ дисциплинированному войску; даже наши стрѣleckіе и другіе болѣе или менѣе регулярные полки не очень его боялись, и нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ было достаточно, чтобъ разсѣять татарскихъ наѣздниковъ. Сшибки, которыя наша рать имѣла, слѣдуя къ Перекопу, вообще оканчивались благополучно, и наконецъ 20 мая, она увидѣла передъ собою башни Перекопскаго замка.

Этотъ замокъ стоялъ на самомъ перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ таврическимъ полуостровомъ: за нимъ лежало собственно крымское ханство. Это странное государство,—государство не гражданъ, а наѣздниковъ,—было болѣе похоже на огромную шайку разбойниковъ, нежели на правильное гражданское общество. Базары Кафы (Ѳеодосіи) и Бахчисарая были завалены парчами, бархатами, золотою и серебряною утварью, наполнены драгоцѣнными конями, невольниками и невольницами; на нихъ голландскіе червонцы, турецкіе піастры, австрійскіе флорины и польскіе злоты разбрасывались пригоршнями... Дѣло въ томъ, что эти парчи и бархаты, эти драгоцѣнные кубки и ожерелья, эти кони и невольники, эти груды золота и серебра — все это было награбленное въ Россіи, Польшѣ, Венгріи, Бессарабіи и скупалось за без-

цѣнокъ Турками, Греками и Евреями. Дома почти ничего не производилось: превосходные склоны горнаго хребта, протягивающагося вдоль южнаго берега полуострова, едва-едва кое-какъ воздѣлывались руками женщинъ и стариковъ; по обширнымъ равнинамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ этого хребта, бродили зимою и лѣтомъ табуны коней; деревни татаръ или «юрты» были ничто иное, какъ собраніе войлочныхъ кибитокъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто; города были грязны, состояли изъ дрянныхъ мазанокъ, но глиняные ихъ полы были покрыты великолѣпными коврами, отвратительный пилавъ (*) подавался на серебряныхъ блюдахъ... Таковъ былъ Крымъ.

Рать наша остановилась у входа въ перекопскій перешеекъ; по одну сторону у нея было Черное, по другую Гнилое море, и что же однако? Не взирая на сосѣдство двухъ морей, съ перваго же дня обнаружился недостатокъ воды для варева и водопоя, потому что морская вода, какъ извѣстно, для питья не годится. Обнаружился недостатокъ и въ продовольствіи, потому что и въ этотъ походъ, какъ и въ предшествующій, главный воевода не умѣлъ расчитать, сколько надобно захватить съ собою провіанта. Ханъ сдѣлалъ было видъ, что желаетъ вступить съ нимъ въ переговоры, поманилъ-было надеждою на заключеніе мира, — и обманулъ. Въ такихъ обстоятельствахъ что было дѣлать? Штурмовать Перекопъ? Положимъ что онъ былъ бы взятъ, но далѣе уже невозможно было бы идти.

(*) Каша изъ рисоваго пшена съ бараньимъ жиромъ.

Поэтому Голицынъ рѣшился воротиться назадъ, и въ этотъ разъ «ничего не промысливъ».

VII.

НЕУДОВОЛЬСТВІЕ ВЪ МОСКВѢ по случаю второй неудачи противъ Татаръ. — Раздраженіе между царевною и Петромъ усиливается. —

Шакловитый возбуждаетъ стрѣльцовъ — Явный разрывъ между Царевною и Петромъ по случаю крестнаго хода. — Подметныя письма. —

Фальшивая тревога и сборъ стрѣльцовъ въ Кремль. —

Фальшивая тревога въ Преображенскомъ и бѣгство Петра въ Троицкую Лавру. — Царевну начинаютъ оставлять тѣ, на при-

верженность которыхъ она надѣялась. — Она старается примириться съ братомъ, но безуспѣшно. — Хочетъ сдѣлать воззва-

ніе къ Россіи; объясняется съ народомъ, собравшимся въ Кремль. — Полки начинаютъ переходить къ Петру. — Розыскъ надъ

Шакловитымъ. — Голицынъ ѣдетъ къ Петру. — Приговоръ надъ Шакловитымъ и его сообщниками; Голицына отправляютъ въ

ссылку, Царевну заточаютъ въ монастырь. — Обзоръ царевни-

на правленія.

«Твоею службою, писала царевна къ Голицыну послѣ втораго крымскаго похода: — свирѣпыя и искоинныя враги святаго Креста и всего христіанства такъ пораженны, побѣждены и прогнаны, что пришедъ въ отчаяніе и ужасъ, сами разорили свои поганскія жилища...» Но со-

вершенно иначе смотрѣли на подвигъ Голицына Татары: «Побѣжалъ, говорили они, подсмѣиваясь, въ Кіевъ, чтобъ тамъ постричься для спасенія отъ царскаго гнѣва». Въ Москвѣ и вообще въ народѣ распространился слухъ, что главный воевода подкупленъ ханомъ. Послѣднее обвиненіе не имѣетъ никакого основанія, но Татары справедливо думали, что Голицыну лучше бы, безопасности ради, пойти въ монахи. Человѣкъ большого ума и образованія, лучшій изъ совѣтниковъ царскихъ своего времени, онъ не былъ рожденъ для того, чтобъ водить полки къ побѣдамъ, и былъ, если и не хуже Хованскихъ, Рамодановскихъ и другихъ воеводъ прошедшихъ лѣтъ, то и не лучше ихъ. Зачѣмъ онъ брался не за свое дѣло! И за чѣмъ царевна хотѣла увѣрить всю Россію, вопреки очевидно-сти, что онъ разгромилъ въ прахъ «поганское царство»!

Неудовольствіе въ Москвѣ выразилось на этотъ разъ еще гораздо сильнѣе, нежели послѣ перваго похода. Царь Петръ не принялъ Голицына по его возвращеніи; царевна съ большимъ трудомъ уговорила его согласиться на обнародованіе похвальной грамоты и на раздачу наградъ войску и воеводамъ. Голицына громко порицали, говорили, что онъ издавна пристрастенъ къ Польшѣ, что онъ читаетъ латинскія книги; покровительствуетъ іезуитамъ и католикамъ, знаетъ только съ иноземцами, — и болѣе и болѣе отодвигались отъ него, увеличивая число приверженцевъ Петра, который хотъ и самъ водился съ Нѣмцами, но былъ Царь вѣнчанный.

Все это еще болѣе усиливало непріязнь между царевною и преображенскимъ дворомъ. Шакловитый безпрестанно раздувалъ ее, подсмѣивался надъ вдовствующею царицъ, ею говоря, что она въ родительскомъ домѣ «въ

лаптяхъ ходила», и безпрестанно твердилъ, что надо истребить всѣхъ Нарышкиныхъ. Слова его и клеветы, которыми онъ возбуждалъ стрѣльцовъ, проникали въ народъ и производили безпокойство, раздражали, волновали. Однажды, ночью, десятокъ всадниковъ наѣхалъ на стрѣлецкій карауль; одинъ изъ нихъ, разсердившись за что-то на часового, приказалъ жестоко бить его своимъ людямъ, а самъ приговаривалъ: «Заплачу я вамъ за смерть моихъ братьевъ!» — и оставилъ несчастнаго стрѣльца едва живого, съ переломленною головою, избитаго, исколоченаго; другой же изъ числа всадниковъ унималъ его, говоря: «полно бить, *Левъ Кирилловичъ*; душа христіанская!» Львомъ Кирилловичемъ звали брата старой царевны, и стрѣлецъ, имъ избитый, говорилъ, что онъ и въ лицо его узналъ, сколько это возможно при сумракѣ ночномъ; естественно слѣдовательно, что слухъ объ этомъ происшествіи произвелъ большое раздраженіе въ Москвѣ противъ Нарышкиныхъ... а между тѣмъ, какъ впослѣдствіи открылось, это былъ вовсе не Левъ Нарышкинъ, а одинъ подъячій, похожій на него, которому Шакловитый приказалъ тиранить стрѣльцовъ, чтобъ возбудить народъ противъ Нарышкиныхъ. Вотъ что за человекъ былъ Шакловитый!

Вскорѣ раздвоеніе царскаго семейства сдѣлалось гласнымъ: 8 іюля, въ день Казанской Божіей Матери, Цари и царевны были въ Успенскомъ соборѣ, откуда долженъ былъ слѣдовать крестный ходъ. Когда обѣдня кончилась, Цари послѣдовали за духовенствомъ, пошла и царевна, одна изъ числа своихъ сестеръ, которая вообще не показывались на народѣ. Петръ сказалъ Софіи Алексѣевнѣ, чтобъ она не ходила, что не женское дѣло

являться на народѣ. «Конечно пойду», отвѣчала вспыхнувъ гордая царевна, — и пошла; но Петрѣ сію же минуту оставилъ процессію и уѣхалъ изъ Москвы.

Разрывъ былъ слѣдовательно явный. Послѣ этого царевна, если ей бывало нужно отправляться въ Преображенское, брала съ собою сильный конвой изъ благонадежныхъ стрѣльцовъ; съ своей стороны, въ Преображенскомъ были увѣрены, что царевна и ея приверженцы замышляютъ не только на корону, но и на жизнь Царя и царицы. И тутъ и тамъ стали появляться подметныя письма съ самыми мрачными предсказаніями; съ минуты на минуту можно было ожидать взрыва. И вотъ гроза грянула.

5-го августа царевна хотѣла идти на богомолье, и для сопровожденія ея были собраны въ Кремлѣ стрѣльцы. Вдругъ явилось подметное письмо, которое объявляло, что въ этотъ самый день «потѣшныя конюхи» должны покуситься на жизнь Царя Іоанна и его сестеръ. «Походъ» былъ немедленно отмѣненъ; стрѣльцамъ розданы патроны; съ наступленіемъ темноты ворота кремлевскія заперлись и сильныя караулы были разставлены по Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ, а для наблюденія за дѣйствіями Петра, Шакловитый послалъ нѣсколько расторопныхъ людей, бродить вокругъ Преображенскаго.

Вся эта тревога оказалась, разумѣется, совершенно пустою: то, чего ожидали, не случилось; за то случилось то, чего вовсе не ожидали. Изъ числа стрѣльцовъ, назначенныхъ въ городской караулъ, трое, желая, можетъ быть, *выслужиться*, — а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ предполагая, что вся военная тревога скрываетъ замыселъ противъ Петра, съ наступленіемъ ночи поскака-

ли въ Преображенское и объявили, что Шакловитый съ своими сообщниками въ эту ночь намѣренъ поджечь Преображенское и во время суматохи перебить Царя и обѣихъ царицъ... Послѣ всего, что было прежде и что разносилось молвою, это извѣстіе очень могло показаться вѣроятнымъ; внезапно разбуженный, Петръ вскочилъ съ постели въ чемъ былъ, бросилъ все и всѣхъ, кинулся въ конюшню и ускакалъ. За нимъ пустились люди его двора, кто какъ успѣлъ, догоняя его съ одеждою и обувью, потомъ потянулись дрожащія отъ страха царицы, изъ которыхъ младшая была беременна, и въ нѣсколько минутъ Преображенское опустѣло.

Все это видѣли люди, посланные Шакловитымъ; они видѣли и узнали Петра, несущагося на лошади ночью, въ одной рубашкѣ, его приближенныхъ, скачущихъ за нимъ во слѣдъ, царицъ, съ признаками ужаса на лицѣ, тяжелыя кареты, которыя катились съ непривычною быстротою, пушки, которыя тащили рысью, потѣшныхъ, которые забывъ регулярный маршъ, шли ускореннымъ шагомъ... Все это видѣли съ изумленіемъ люди, посланные Шакловитымъ, — и ничего во всемъ этомъ не понимая, прискакали въ Москву: «ушелъ Царь изъ Преображенскаго босъ, въ одной сорочкѣ, невѣдомо куда!» объявили они Шакловитому.

Новая тревога въ Кремлѣ, и совершенное недоумѣніе! Но дѣло скоро разъяснилось. Петръ прискакалъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали туда царицы и нѣкоторые приближенные царедворцы; привезли нѣсколько пушекъ, бывшихъ въ Преображенскомъ, пришли потѣшные, и монастырь превра-

тился въ крѣпость, какъ во времена Поляковъ и самозванцевъ.

Между стрѣльцами, даже между ихъ полковниками, которыхъ царевна считала себѣ наиболѣе преданными, были люди тайно передававшіе Петру все, что знали или подозрѣвали объ умыслахъ ея. Таковъ былъ, между прочими, Цыклеръ, уже знакомый намъ по смутамъ 1682 года и выкупавшій старую измѣну новою; онъ и нѣкоторые ему подобные первые кинулись къ Троицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ уже были потребованы Петромъ всѣ стрѣleckіе полковники и по нѣскольку человѣкъ рядовыхъ стрѣльцовъ отъ cadaго полка. Царевна ихъ не пустила: «Кто осмѣлится идти къ Троицѣ, тому я велю отрубить голову», объявила она. Однако это не помогло, потому что и Петръ грозилъ смертною казнію ослушникамъ его воли. Началось дезертированье изъ Москвы, сначала по одиночкѣ, потомъ толпами.

Видя, что дѣло поварачивается не въ ея пользу, Софія попробовала примириться съ братомъ, и съ этою цѣлію посылала къ нему нѣкоторыхъ уваженія достойныхъ бояръ; но либо эти переговорщики возвращались ни съ чѣмъ, либо и сами оставались при Царѣ. Такъ сдѣлалъ и патріархъ, котораго царевна отправила миротворцемъ. Наконецъ она рѣшилась ѣхать сама; но на дорогѣ ее встрѣтилъ гонецъ и именемъ Царя объявилъ ей, чтобъ она возвратилась, или съ нею «будетъ поступлено нечестно».

Глубоко оскорбленная, и видя, что всякая надежда на примиреніе потеряна, царевна, по прибытіи въ Москву, потребовала къ себѣ тѣхъ, на преданность которыхъ могла, казалось ей, еще положиться. «Чуть меня не за-

стрѣлили, говорила она, задыхаясь отъ волненія: Нарышкины и Лопухины {затѣваютъ всеобщее смятеніе, — и до моей головы доходить. Не оставьте меня; я вамъ вѣрю: кому жъ и вѣрить, если не вамъ, *старымъ* (друзьямъ)?»

Это было въ ночь на 1-е сентября, то-есть на новый годъ. Утромъ, народъ столпился передъ Краснымъ крыльцомъ; но, вмѣсто обыкновенной церемоніи, произошло нѣчто совершенно новое, невиданное: царевна спустилась «сверху», смѣло вмѣшалась въ ряды народа и стала говорить съ нимъ: «Злые люди разсорили меня съ братомъ», говорила она, «и распускаютъ слухъ о заговорѣ на жизнь младшаго Царя. Не вѣрьте этому; не давайте брать людей добрыхъ и вѣрныхъ: ихъ станутъ пытать, а они, не стерпя пытки, оговораютъ другихъ; девятеро оговораютъ девять сотъ». «Вы знаете, продолжала она: — что я правила государствомъ болѣе семи лѣтъ, начала въ смутное время и кончила славнымъ миромъ съ христіанскими государями, а невѣрныхъ поразила. Всегда была я къ вамъ милостива, и обѣщаю новыя милости»...

Около трехъ часовъ такимъ образомъ разговаривала царевна съ народомъ лицомъ къ лицу, — и говорила прекрасно, пишетъ къ своему дневникѣ генераль Гордонъ, иностранецъ, находившійся въ русской службѣ. Народъ слушалъ со вниманіемъ рѣчи царевны, дивился этой откровенности и выражалъ участіе свое. Царевнѣ показалось, что она произвела глубокое впечатлѣніе, что всѣ эти тысячи, къ которымъ она обращалась, между которыми она одна довѣрчиво прохаживалась, что всѣ эти люди сдѣлаются ея союзниками, друзьями, готовыми положить за нее голову, и съ этою надеждою, возвратясь въ свой теремъ, потребовала Шакловитаго и приказала ему неме-

дленно писать воззваніе ко всей землѣ русской, ставя ее судьбою между собою и братомъ; она надѣялась, что и вся Россія приметъ участіе въ ея ссорѣ съ Петромъ и заступится за нее... Ошибалась бѣдная царевна! Народъ, къ которому она обращалась, не привыкъ принимать въ дѣлахъ государственныхъ участія, смутно зная что дѣлало правительство и всякій интересовался только тѣмъ, что непосредственно до него касалось! Тотъ самый Гордонъ, который такъ похваляетъ рѣчь царевны къ московскому народу, въ слѣдующую за тѣмъ ночь покинулъ Москву со всѣмъ своимъ полкомъ... Ударъ слѣдовалъ за ударомъ! Царевна должна была убѣдиться, что ей, со всѣми ея заслугами предъ государствомъ, невозможно бороться противъ Царя вѣнчаннаго, противъ принципа самодержавія, противъ вѣковой привычки народа. Всѣ отступались отъ нея. Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы и жилъ въ своей подгородной деревнѣ, Медвѣдевъ бѣжалъ, пробираясь въ Литву, самъ Шакловитый приготовился къ побѣгу. А Царь Іоаннъ? — онъ до сихъ поръ позволялъ ей дѣйствовать своимъ именемъ, но поддержать ее въ настоящихъ обстоятельствахъ онъ не могъ и не хотѣлъ. А между тѣмъ потребованъ былъ Петромъ и Шакловитый; царевна хотѣла защитить его — и уже не могла. Онъ былъ взятъ своими недавними единомышленниками и, скованный, отвезенъ въ Троицкій монастырь.

И вотъ монастырь этотъ изъ крѣпости обратился въ допросную избу: надъ Шакловитымъ и его сообщниками производили «розыскъ», а для того, чтобъ они ничего не утаивали, подвергали ихъ обычному средству развязать языкъ — пыткѣ. Изъ отвѣтовъ или изъ «распросныхъ рѣчей» открылось все то, что выше рассказано:

непріязненные слухи, перелетавшіе изъ Кремля въ Преображенское и обратно, замыслы царевны овладѣть престоломъ; иные изъ бывшихъ повѣренныхъ Шакловитаго говорили, что онъ замышлялъ истребленіе младшаго Царя и его семейства.

Все это сказано со страха пытки или отъ боли пытки, а потому мудрено отличить правду отъ тѣхъ вымысловъ, которыми люди, истязаемые кнутомъ, поджигаемые на огнѣ, запутывали невинныхъ и даже усиливали свои собственные вины, — лишь бы на минуту пріостановить свои страданія. Замѣчательно, на примѣръ, что Шакловитый, долго отрицая, будто онъ намѣревался истребить семейство младшаго Царя и поджечь Преображенское, при повтореніи пытки во всемъ повинился, но потомъ отрекся снова... Права была славная Екатерина, начертывая слѣдующія, заслуживающія безсмертія строки: «Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка (т. е. пытаемаго), нежели съ холодной кровью? Всякій пытанный — въ горячкѣ, и самъ уже не знаетъ, что говорить. И такъ отдаю на разсужденіе всякому имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то въ доброй совѣсти полагаться!»

Но въ понятіяхъ того времени, и не только у насъ, но и во всей Европѣ, не было никакого средства добиться истины, какъ посредствомъ страшнѣйшихъ истязаній: наши пытки по крайней мѣрѣ не были столь разнообразны, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ...

Наконецъ розыскъ кончился, и состоялся надъ виновными приговоръ: къ смертной казни было приговорено три человѣка, изъ которыхъ первымъ былъ, ко-

нечно, Шакловитый; трое другихъ было наказано кнутомъ.

За тѣмъ потребованъ былъ къ суду Голицынъ. Ослушиваться было невозможно; не выгодно даже было и медлить. Этотъ недавно еще всесильный любимецъ, намѣстникъ множества областей, начальникъ нѣсколькихъ приказовъ, руководитель сношеній Россіи съ европейскими дворами, главный воевода, — явился теперь въ Троицкую лавру съ поникшею головою. Его не впустили внутрь монастырской ограды, а велѣли ждать приговора въ слободѣ. Наконецъ онъ былъ потребованъ, но не къ суду, — потому что оправданій его никто не спрашивалъ (какъ нѣкогда и онъ не спрашивалъ оправданій Самойловича), — а чтобъ выслушать царскій указъ, который опредѣлялъ ему вѣчную ссылку со всѣмъ его семействомъ. Было сослано и много другихъ сообщниковъ Шакловитаго и приверженцевъ Голицына; Медвѣдевъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ пойманный, разстриженъ и казненъ. Наконецъ дѣло дошло и до царевны. Еще нѣсколько ранѣе, передъ казнію Шакловитаго, Петръ писалъ къ старшему брату: «корона российская вручена Богомъ намъ двумъ, а между тѣмъ сестра наша государствомъ учала владѣть своею волею». «А теперь, государь-братецъ, настoitъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужскими особами быти не изволяемъ». Царь Іоаннъ не противорѣчилъ брату, какъ прежде не противорѣчилъ сестрѣ, и потому немедленно было приказано исключить ея имя изъ царскаго титула, а черезъ нѣсколько времени послѣ того ей было пове-

лѣно, отъ имени обоихъ Царей, удалиться въ Новодѣвичій монастырь, изъ котораго она уже никогда болѣе не выходила.

Такъ окончилось семилѣтнее правленіе царевны. Если смотрѣть на это правленіе, какъ на продолженіе царствованій Алексѣя и Θεодора, то нельзя не похвалить его: царевна старалась, чтобъ въ управленіяхъ былъ порядокъ, чтобъ народъ не бродяжничалъ, чтобъ имѣнія дворцовыя, церковныя и частныхъ людей были между собою размежеваны какъ можно отчетливѣе, понимая, что этимъ предупреждаются тяжбы и ссоры. Но всего этого уже было мало. Россія, бывшая въ первыя времена своего существованія (при Владимірѣ и Ярославѣ) если не впереди, то и не назади другихъ государствъ Европы, далеко отъ нихъ отстала къ XVII вѣку въ отношеніи и государственнаго устройства, и просвѣщенія. Европа въ это время имѣла ученыхъ, которыхъ имена и до сихъ поръ произносятся съ благоговѣніемъ, поэтовъ и художниковъ, торговлю и промышленность, а въ нѣкоторыхъ странахъ существовали уже такіе законы, которые строго оберегаютъ гражданъ отъ притѣсненій и насилія. Почти ничего этого не было въ Россіи временъ царевны, и хотя никто еще не понималъ, что и какъ надо сдѣлать, чтобъ улучшить положеніе Россіи, но очень многіе уже чувствовали, что въ ней что-то дурно, что-то не такъ, какъ бы слѣдовало. До насъ дошли сочиненія нѣкоторыхъ современниковъ, — на примѣръ Котошихина и Крижанича: они дышатъ недовольствомъ, желаніемъ чего-то другаго, на каждой строкѣ проповѣдываютъ необходимость преобразованій. Но эти писатели не давали себѣ яснаго отчета, что

именно надобно перемѣнить, какъ перейти къ лучшему и въ чемъ состоитъ это лучшее. Имѣло ли объ этомъ опредѣленное понятіе наше правительство? Это вопросъ. Одинъ французъ, бывшій въ Москвѣ по дипломатическимъ дѣламъ, Ла-Нёвиль, говоритъ, что Голицынъ имѣлъ самые обширные и возвышенные виды; что онъ хотѣлъ сблизить Россію съ Европою, просвѣтить ее, даже освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вѣчная слава Голицыну, если это правда; но онъ этого не сдѣлалъ, да едва ли и имѣлъ бы довольно силы чтобъ сдѣлать. Нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, что въ нѣкоторыхъ, лучшихъ умахъ того времени пробуждалось желаніе глубокихъ перемѣнъ, и что вообще въ народѣ являлось недовольство старымъ. Такое состояніе испытываютъ въ различныя времена всѣ народы, и стремленіе къ чему-то лучшему всегда обнаруживается гораздо ранѣе, нежели является человѣкъ и объясняетъ, что и какъ нужно сдѣлать. И это не только въ отношеніи законовъ и управленія, а во всемъ: на примѣръ, никому не могли нравиться непроѣздныя дороги, то грязныя, то несчаныя, то намощенные накатникомъ, и вѣроятно многіе тысячи человѣкъ жаловались на нихъ и желали чего нибудь лучшаго, а между тѣмъ сколько времени прошло прежде, нежели Макъ Адамъ научилъ дѣлать шоссе! Неправедливо было бы, слѣдовательно, обвинять царевну за то, что она не была этимъ Макъ-Адамомъ для Русскаго народа. Важно ужъ и то, что она сама чувствовала неловкость и тѣсноту тѣхъ рамокъ, въ которыя старинныя понятія заключали человѣка, — и она иногда смѣло ихъ разрывала. Не она ли первая рѣшилась оста-

вить теремъ, гдѣ русскія женщины безвыходно сидѣли, подобно невольницамъ Турокъ и Персіянъ? Не она ли первая сказала, что женщина можетъ имѣть въ жизни и другія занятія, кромѣ вышиванія да пустой болтовни съ нянями и сѣнными дѣвушками? Не она ли, наконецъ хотѣла освободиться отъ нелѣпаго обычая, обрекавшаго царевенъ на вѣчное безбрачіе?.. Правда, что ко всѣмъ этимъ цѣлямъ Софія Алексѣевна шла не всегда путями законными; но за то же она и была наказана: четырнадцать лѣтъ она провела въ заключеніи, — этого достаточно, чтобы мы теперь, не боясь быть пристрастными, имѣли право сказать, что она первая нанесла ударъ одному изъ самыхъ тупыхъ, жестокихъ и вредныхъ понятій нашей старины — заключенію женщинъ, также какъ ея фаворитъ — нелѣпому обычаю мѣстничества. Какъ то, такъ и другое — большая заслуга царевны и Голицына передъ потомствомъ; наконецъ, говоря о тѣхъ высокихъ мысляхъ, которыя приписываютъ Ла-Нёвиль царевнину любимцу и которыя не осуществились, не забудемъ что въ правленіи Софіи Алексѣевны положено начало тѣмъ отношеніямъ между Россіею и Польшею, которыя сто лѣтъ спустя окончились присоединеніемъ къ Россіи нѣсколько вѣковъ находившагося подъ чуждымъ владычествомъ русскаго народонаселенія.

Но вотъ мы приступаемъ къ тому времени, когда Россія начала перерождаться: мы приступаемъ къ времени Петра великаго.

вить терпѣть, какъ русскія женщины безвѣстно сидѣли,
 подобно безвѣстнымъ Троянѣ и Персеидѣ. Не она ли
 первая сказала, что женщины могутъ жить въ жизни
 и дѣлать дѣла, кромѣ вышиванія да пустой болтовни
 съ наивными и сѣрыми дѣлушками? Не она ли, наконецъ,
 хотѣла освободиться отъ пѣнаго обряда, обрѣзавшаго
 паренятъ на вѣчное безбрачье? Прелесть, что ко всѣмъ
 этимъ дѣламъ Софья Александровна шла не всета путями
 законными; но за то же она и была наказана: дѣти-
 вѣдѣть дѣла она должна въ законности, — этого до-
 статочнаго, чтобы мы теперь не боясь быть призрачными
 имъ, могли право сказать, что она первая нанесла ударъ
 одному изъ самыхъ гнусныхъ жестокихъ и вредныхъ по-
 нятій нашей страны — замурованію женщины, также
 какъ въ фаворитѣ — полному обрѣзу и истязаніямъ.
 Какъ то, такъ и другое — обрѣзъ заступилъ паренятъ и
 Голландия перестала существовать; наконецъ, говоря о тѣхъ
 высокихъ мысляхъ, которыя принадлежатъ 18-мъ вѣкамъ
 паренямъ, людямъ, и которыхъ не осуществилось, не за-
 думѣвъ что въ нравленіи Софья Александровна положила
 начало тѣмъ отношеніямъ между Россією и Польшею,
 которыя стоить считать окончательнымъ соединеніемъ
 къ Россіи и тѣмъ, въ томъ, что находившася подъ ру-
 кою въ вѣнскомъ русскомъ вѣдомствѣ.

Но вотъ мы приступаемъ къ тому времени, когда Рос-

сія была переломывается; мы приступаемъ къ времени

Петра Великаго, когда въ Россіи началось новое
 время, когда въ Россіи началось новое время, когда въ

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловіе

стр.

1

РОССІЯ ПРИ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ. — I. Очеркъ Москвы во второй половинѣ XVII-го вѣка. — Кончина первой супруги Царя Алексѣя, Марьи Ильинишны. — Милославскіе. — Матвѣевъ; его происхожденіе, искусное его поведеніе при дворѣ; милость къ нему Царя; его любовь къ умственнымъ занятіямъ. — Жилища русскихъ бояръ. — Наталія Кириловна Нарышкина. — Первая встрѣча съ нею Царя. — Второй его бракъ. — Рожденіе Петра. — Объявленіе царевича Θεодора. — Разладъ между царицею и царевнами. — Кончина Царя. — Характеристика его царствованія: сдѣланныя имъ приобрѣтенія; всеобщее недовольство; мятежи; естественныя бѣдствія: голода, болѣзни; разномысліе въ церковныхъ дѣлахъ

7

РОССІЯ ПРИ ЦАРЬ ТЕОДОРЪ. — Наружность Царя Θεодора. — Одежда нашихъ предковъ. — Вступленіе на престоль Θεодора. — Слухи о проискахъ Матвѣева и Нарышкиныхъ устранить его отъ наслѣдства. — Царица удаляется отъ двора. — Матвѣевъ отправляется въ ссылку. — Новые любимцы. — Царевна Софія: она сближается съ Милославски-

ми, Хованскимъ, Голицынымъ. — Роль Голицына при Царѣ
 Θεодорѣ; уничтоженіе мѣстничества. — Второй бракъ Ца-
 ря. — Апраксины и Языковъ. — Царь сближается съ своею
 мачихой. — Болѣзнь Царя. — Заботы о престолонаслѣдіи;
 дворъ раздѣляется на партіи: за Іоанна и за Петра; ин-
 триги той и другой. — Смерть Царя. — Царедворцы съѣз-
 жаются во дворецъ, народъ собирается къ Красному крыль-
 цу. — Патріархъ предлагаетъ разрѣшить вопросъ о престо-
 лонаслѣдіи сперва царедворцамъ, а потомъ народу. — Из-
 браніе Петра. — Протестъ Софіи противъ него

21

ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА. — I. Нарышкины призываютъ Матвѣе-
 ва. — Они захватываютъ важнѣйшія должности. — Стрѣльцы;
 ихъ неудовольствіе противъ своихъ полковниковъ, начав-
 шеея еще при Царѣ Θεодорѣ; новая ихъ челобитная. —
 Опрометчивое рѣшеніе по ней. — Царевна Софія и ея при-
 ближенные. — Они искусно возбуждаютъ между стрѣльцами
 неудовольствіе. — Начало волненій въ стрѣleckихъ слобо-
 дахъ. — Возвращеніе Матвѣева въ Москву. — 15 мая (1682).
 А. Милославскій и Толстые увѣряютъ стрѣльцовъ, что ца-
 ревичъ Іоаннъ лишенъ жизни Нарышкиными. — Стрѣльцы
 врываются въ Кремль, Матвѣевъ ихъ успокоиваетъ, — Дол-
 горуковъ снова раздражаетъ ихъ. — Убійства. — Смерть кня-
 зя Ю. Долгорукова. — 16 мая; случай съ датскимъ резиде-
 нтомъ. — 17 мая; умерщвленіе И. Нарышкина и Гаде-
 на. — Стрѣльцы успокоиваются. — Арабъ Матвѣева. — Царев-
 на пріобрѣтаетъ значеніе. — Стрѣльцы требуютъ, чтобъ ца-
 ревичъ Іоаннъ соцарствовалъ Петру, а царевна была пра-
 вительницею. — Вѣнчаніе Царей

36

II. Князь Хованскій. — Надежды, возбужденныя между старо-
 обрядцами его возвышеніемъ. — Они стараются войти въ
 публичное состязаніе съ православною церковью чрезъ его
 посредство. — Патріархъ отъ этого уклоняется. — Самона-
 дѣянность раскольниковъ чрезъ это увеличивается; они
 публично проповѣдуютъ. — 5-го іюля толпы ихъ вступаютъ
 въ Кремль и требуютъ публичнаго пренія съ православ-

нымъ духовенствомъ. — Царевна назначаетъ это преніе въ Грановитой Палатѣ. — Буйство Никиты пустосвята. — Царевна находитъ опору въ стрѣльцахъ. — Никиту казнятъ, другихъ ссылаютъ, остальные притихаютъ. — Разрывъ Хованскаго съ партіею царевны. — Слухъ о замышляемомъ имъ избіеніи царскаго дома во время крестнаго хода. — Удаленіе двора изъ Москвы. — Призывъ ратныхъ людей. — Приглашеніе Хованскаго на церемоніаль въ Троицкую лавру. — Дорогою князь Лыковъ его арестуетъ. — Казнь его и его старшаго сына, безъ суда

52

III. Мятежъ стрѣльцовъ. — Патріархъ дѣлается посредникомъ между дворомъ и ими. — Стрѣльцы приносятъ повинную. — Рѣчь къ нимъ царевны. — Въ стрѣлецкій приказъ назначается Шакловитый. — Москва успокоивается. — Польша предлагаетъ намъ союзъ противъ Турокъ. — Какія выгоды обѣщаль этотъ союзъ и овладѣніе Черноморскимъ берегомъ. — Старинные споры наши съ Польшею за Малороссію, за Смоленскую и Сѣверскую земли и проч. — Днѣпръ устанавливается границею нашей съ Польшею; но другіе споры продолжаются. — Голицынъ прекращаетъ споръ къ выгодѣ Россіи. — Договоръ 1686 г. — Царевна именуетъ себя Самодержицею

63

IV. Какой видъ представляло Московское государство въ XVII вѣкѣ? Церкви и монастыри, господскія усадьбы и крестьянскія деревни. — Рѣдкость народонаселенія; слабость промышленности и торговли; плохое состояніе дорогъ и вообще сообщеній; небезопасность ихъ. — Образъ жизни нашихъ предковъ: — ихъ домосѣдство; нелюбовь къ войнѣ сравнительно съ войнолюбіемъ западныхъ европейцевъ. — Военная сила Россіи: земская рать, стрѣleckіе, солдатскіе и другіе полки. — Приготовленія къ походу въ Крымъ. — Сборъ рати на южной Украинѣ. — Походъ (1687). — Пожаръ степи. — Обратное движеніе. — Слухъ объ измѣнѣ гетмана Самойловича

72

V. Югозападна Русь — Дворяне католики и хлопы-православные. — Казачество. — Запорожская съчь. — Малороссійское казачье войско. — Возстаніе русских-православныхъ противъ Поляковъ-католиковъ. — Богданъ Хмѣльницкій. — Малороссія присоединяется къ Россіи. — Подтвержденіе Царемъ Алексѣемъ вольностей казачьихъ. — Взаимныя недоразумѣнія между нашимъ правительствомъ и казаками. — Самойловичъ. — Мазепа. — Послѣдній интригуетъ противъ перваго, — и возбуждаетъ противъ него подозрѣніе въ измѣнѣ. — Доносъ казаковъ — Низложеніе Самойловича. — Избраніе Мазепы въ гетманы

86

VI. Царевна награждаетъ Голицына и ратныхъ людей за Крымскій походъ. — Это производитъ неудовольствіе въ Москвѣ; недовольные группируются около Петра. — Петръ. — На его воспитаніе не обращено было должнаго вниманія; Зотовъ. — Дѣтскія игры Петра; потѣшныя. — Астролябія. — Тиммерманъ. — Старинный ботикъ. — Карштень-Брантъ. — Иноземцы болѣе знающіе, чѣмъ русскіе. — Связи Петра съ Нѣмецкою Слободою. — Петръ начинаетъ получать болѣе значенія въ глазахъ царевны. — Неудовольствія между нимъ и вдовствующею Царицею усиливаются. — Бракъ Петра. — Мысли царевны о престолѣ. — Шакловитый. — Второй крымскій походъ. — Какъ жили Татары въ Крыму? — Перекопъ. — Отступленіе

101

VII. Неудовольствіе въ Москвѣ по случаю второй неудачи противъ Татаръ. — Раздраженіе между царевною и Петромъ усиливается. — Шакловитый возбуждаетъ стрѣльцовъ. — Явный разрывъ между царевною и Петромъ по случаю крестнаго хода. — Подметныя письма. — Фальшивая тревога и сборъ стрѣльцовъ въ Кремль. — Фальшивая тревога въ Преображенскомъ и бѣгство Петра въ Троицкую лавру. — Царевну начинаютъ оставлять тѣ, на приверженность которыхъ она надѣялась. — Она старается примириться съ братомъ, но безуспѣшно. — Хочетъ сдѣлать воззваніе къ

Россіи; объясняется съ народомъ, собравшимся въ Крем-
лѣ. — Полки начинаютъ переходить къ Петру. — Розыскъ
надъ Шакловитымъ. — Голицынъ ѣдетъ къ Петру. — Приго-
воръ надъ Шакловитымъ и его сообщниками; Голицына от-
правляютъ въ ссылку, а царевну заточаютъ въ монастырь
Обозрѣніе царевнина правленія

суп

112

101

9015

Оборачиваясь назад, он увидел, что вдали, на горизонте, уже появились горы. Он остановился, чтобы отдохнуть, и, глядя на них, сказал: «Вот они, горы, которые я видел в своем видении. Они так же прекрасны, как и в моем видении». Он продолжал идти, и горы становились все ближе и ближе. Наконец, он достиг их. Они были так же прекрасны, как и в его видении. Он стоял на вершине одной из гор, и смотрел на море. Оно было так же спокойно, как и в его видении. Он чувствовал, что он находится там, где он должен был быть. Он был счастлив. Он был дома.

三

Ščebal'skij, Petr Karlovič,

Tschtenie is Russkoi istorii s ischoda XVII veka

Bd.: 1

Sanktpetersburg (1863)

Russ. 150 uv-1/3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783459-6